

Яна ВОВК
АФЕРИСТ и
КАРЬЕРИСТ

16+

@ЭЛИТА

Яна Вовк Аферист и карьерист

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7265762
Яна Вовк Аферист и карьерист: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2013*

Аннотация

XIX век. Непредсказуемый мошенник и князь, занимающий в светском обществе особое положение – что могло их связывать... и что могло втолкнуть в будни молодой женщины, далёкой от интриг? Курьёзные моменты возникают сами собой, а жизнь Ольги разбавляется событиями яркими и порой выбивающими почву из-под ног.

Вопросы без ответов, догадки, заводящие в тупик; и при этом никуда не отступает навязчивое ощущение, что причина происходящего в ней самой... Разобраться в своих желаниях порой сложнее, чем в мировой политике, но если потребность вырваться из замкнутого круга не стихает, то жизнь сама начинает давать уроки понимания. Остаётся лишь активно подключиться к процессу и перехватить инициативу.

Содержание

Глава I	4
Глава II	12
Глава III	22
Глава IV	29
Глава V	38
Глава VI	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Яна Вовк

Аферист и карьерист

*– Пройтись бы танком по стереотипам!
– Не танком – экипажем.
– Всё равно жалко...*

Глава I

С вами не соскучишься...

«Последний вечер в дороге, ночь в трактиришке, ещё немного мучений, – маркиз мысленно загибал пальцы, – и здравствуй, мой Санкт-Петербург!»

Чем ближе к северной столице, тем меньше надежд на раннее тепло. Тысяча восемьсот двадцать шестой год в этих краях весну ещё не вспоминал – всё было тщательно занесено снегом, за окнами экипажа тянулось однообразие, которое склоняло если не к размышлениям, то ко сну. Маркиз де Шале выглянул в окно и тут же откинулся на спинку сиденья, еле сдержав стон. На его холёном лице нетерпение сменилось скукой, и в глазах, цвета отдалённо похожего на зелёный, угас последний интерес к происходящему. Он поднял воротник шубы, непременно модной в России зимой, и спрятал пальцы в длинные рукава.

– Пожалуй, надо вздремнуть, иначе я вывихну челюсть, – сообщил он спутнику, и, тягуче зевнув, ущипнул себя за ухо. – А вы не хотите поспать?

– Гостиница скоро, – напомнил Ильин, тоже выглядывая в окно.

– Ха! Очередной клоповник! – маркиза передёрнуло. – Каждая ночь в подобном заведении становится для меня настоящим испытанием. Увы, мой друг, не все столь выносливы и мужественны, как географы-путешественники.

Поёжившись то ли от холода, то ли от ощущений, вызванных предстоящим ночлегом, Шале в который раз недоумённо посмотрел на спутника – маленький, щуплый, а сутками мог безнаказанно не спать и мёрзнуть... ни денег, ни семьи, ни славы, зато точно знал, зачем топтал эту грешную землю. «Тоска», – решил про себя маркиз, и, поправив подушку, прикрыл глаза. «Дитя», – усмехнулся про себя Михаил Иванович, глядя, как тот сунул ладонь под щеку и потешно сгримасничал.

«Дитю» было лет тридцать пять, не больше. Ильин настолько привык за время поездки к лицу маркиза, что память начинала его подводить: казалось, будто это лицо он уже где-то видел, и что-то неуловимо знакомое было в потешной мимике, привычке морщить нос и лукавом прищуре. Но чем больше Михаил Иванович напрягал память и строил предположения, тем отчётливей понимал, что их пути не могли пересекаться хотя бы по той причине, что слишком далеки они были друг от друга – по образу жизни, мышления и социальному положению в обществе. К тому же лицо маркиза было запоминающимся: без особых примет, но очень пропорционально начерченное матушкой-природой, по-мужски красивое, привлекательное. Заметив такое лицо, его легко было бы вспомнить. Ильин сам носил баки, видел их на сотнях других мужчин, но не предполагал, что кому-то они могут настолько идти. Маркиз умел носить всё: и те самые баки, и модно зачёсанные тёмно-русые волосы, и дорожный костюм, и шубу. Его можно было бы назвать элегантным, если бы не некоторые привычки, в том числе и привычка брюзжать. Весьма неоднозначно воспринимался этот француз – при всех его природных и материальных данных он вызывал своим поведением необъяснимую симпатию и снисходительность одновременно. Иногда Ильин видел, что маркиз действительно утомлён и раздражён неудобствами длительного переезда, но чаще за ним наблю-

далось некое детское дурачество, от которого сам маркиз, казалось, получал удовольствие. Уже после первого дня знакомства, этого удивительного француза воспринимать серьёзно становилось нелегко.

А всё началось с того, что с месяц назад маркиз де Шале разыскал Михаила Ивановича в Лионе и передал ему пакет от генерала Бенкендорфа¹ с настоятельным приглашением вернуться в Петербург. На недоумение географа маркиз ответил весьма пространно, и убедителен был лишь в том, что генерал устраивает будущее России. Надежда на то, что будущее России как-то связано с последними географическими открытиями, внушила Михаилу Ивановичу определённые мысли и поторопила принять неожиданное приглашение... Полдороги Шале настойчиво вспоминал свою юность: блестящее образование, путешествие по Европе, престижные салоны. Ильину пришлось узнать о подробностях, на которые он никак не рассчитывал, и от которых некуда было деться. Но, по мере приближения к Петербургу, маркиза всё основательней стало клонить к разговорам о России, о жизни этой загадочной страны, о русских и об их привычках. Он много говорил о своём писательском труде и намерении раскрыть новые образы, правда, какие именно, не уточнял. Француз расспрашивал обо всём, что приходило на ум, иногда вынимал довольно потрёпанную тетрадь и что-то в ней записывал, или пытался зарисовать. Не один карандаш был безжалостно сломан и выброшен по ходу творческого процесса, сопровождавшегося яркими комментариями самого творца. И всё же деревья в набросках были вполне узнаваемы, а вопросы к географу вполне безобидны...

– Жак, задувает, – Шале подтянул ноги и поёжился.

Камердинер маркиза, самый молчаливый из спутников, был молод, но понятлив и проворен. Ничего не уточняя, парень укутал ноги хозяина. Маркизу надоело молчать.

– И сон не идёт, – вздохнул он, открывая глаза.

На круглом лице Жака отразилось ожидание: когда хозяин не знал, чем себя занять, парню приходилось туго. Но маркиз обратился к географу, и Жак задвинулся в свой угол, искренне надеясь, что какое-то время о нём не вспомнят.

– Я когда закончу свою книгу, – воодушевлённо заговорил Шале, – то непременно подарю вам, Мишель, экземпляр, или даже два. От вас я узнал интересного больше, чем от всех моих знакомых, вместе взятых. Их жизни довольно скучны, будто выстроены по одному образцу.

– И как же вы назовёте книгу? – спросил Ильин скорее из вежливости, чем из любопытства.

– «Великие судьбы», или что-то в этом роде. С названиями у меня всегда затруднения. Получается либо красиво, либо умно. И знаете, чаще приходится выбирать первое.

– Честно говоря, не читал ни одной вашей книги, – не без сожаления признался Михаил Иванович. – Надеюсь, это хорошие книги. Как-то один мой знакомый рассказал мне притчу, которую, пожалуй, писателям знать гораздо полезней, чем географам, – и, видя любопытство маркиза, продолжил: – Попали однажды сочинитель и разбойник в ад, сидят они в котлах по соседству... проходит некоторое время, и под котлом разбойника огонь начинает стихать, а под котлом сочинителя наоборот – разгораться. «Как же так? – спрашивают они. – Почему?» А им отвечают: «Грехи разбойника со временем забылись, а книги сочинителя всё ещё попадают в руки людей».

– О! Можете не сомневаться, Мишель, я полностью осознаю ответственность, которую берёт на себя писатель... м-м-м... владеющий словом да не опошлит! – с пафосом произнёс маркиз, впечатлённый то ли притчей, то ли собственным остроумием, и сразу перешёл

¹ Александр Христофорович Бенкендорф (1783–1844) – вполне удачливый генерал, толковый военачальник, а также будущий глава III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармского корпуса.

от абстрактного к конкретному: – Вы говорили недавно про ваших студенческих друзей: Батутина и Стеглова. Не один ли из них был когда-то опекуном князя Артемьева? – и, не дав собеседнику ответить, понёсся дальше: – Кажется, господин Стеглов. Не так ли? Я ведь питаю к князю самые искренние дружеские чувства. Не могли бы вы рассказать подробнее о его судьбе?

– Почему бы вам не спросить у самого князя? Он хоть и был воспитанником моего друга, но я не так много знаю, чтобы рассказывать.

– Расспросить князя не просто, – безобидно усмехнулся маркиз. – У Георгия Павловича довольно сложный характер, и мне долго придётся объяснять ему, как много значит для меня моя книга. Вы ведь тоже, Мишель, натура увлечённая, и ради своих трудов готовы терпеть неудобства, подвергать себя опасности, ждать, искать и надеяться. Это наша судьба: вечный поиск.

Ильин пожал плечами. Он не задумывался над вопросами, уводившими в туманные рассуждения, но его спутник вёл себя так компанейски, и так легко заводил разговор на любую тему, что отмолчаться рядом с ним было практически невозможно.

– Что вы хотите знать, маркиз?

– Мне просто интересно, как удалось вашему другу из простого гувернёра превратиться в того, кому умирающая княгиня доверила опеку над своим единственным сыном? И не знаете ли вы, Мишель, как оказались они в Харькове? Сменить Москву на Петербург – это я понимаю. Но зачем после столицы отправляться в такую глушь?

Ильин удивлённо посмотрел на француза – зная о том, что князь жил в Харькове, трудно было не знать историю, предшествовавшую тому.

– Ну, я слышал кое-что краем уха, – маркиз потешно сморщил нос. – Какая-то неприятная мелочь при дворе...

Михаил Иванович не улыбнулся. Из-за этой «мелочи» княгине пришлось покинуть Петербург. Она вернулась с сыном на родину, а Стеглов, всё бросив, последовал за ними. Наверное, Пётр действительно любил эту женщину, если смог решиться на такой поступок: отказавшись от долгожданного места в лучшем из журналов, оставив столицу и друзей, помчался вслед за той, которая пренебрегала им, и которой пренебрегли потом другие. Ильин невольно окунулся в прошлое. Безудержный полёт идей, желаний и надежд...

– И как долго князь прожил в Харькове? – снова поинтересовался маркиз, не склонный отступать.

– Точно не припомню, – Ильин посмотрел сквозь собеседника, застряв в своих воспоминаниях, по его узкому обветренному лицу заскользили едва уловимые тени.

– По-моему, предостаточно для того, чтобы успеть обзавестись пикантными историями, – заметил Шале и принялся перекидывать свои подушки.

Их было всего три, но тем сложнее оказалась задача. Красный цвет хорошо сочетался с коричневым, зато коричневая подушка была самой жёсткой, а синюю нельзя было положить на красную. Жак, тоже наблюдавший за происходящим, понял, что сейчас его подушка снова переключается к маркизу.

– А Харьков – это где-то на юге, в Крыму? – вдруг спросил Шале и ловко щёлкнул пальцами в сторону камердинера.

– Это Слободжанщина, Малороссия, – объяснил Михаил Иванович, не удивляясь неведению француза.

Жак отдал свою подушку, и возня маркиза прекратилась.

– Мне как-то князь Георгий говорил, что в Харькове он вёл весьма интересный образ жизни, – осторожно сказал Шале, не сводя с собеседника внимательных глаз. – Воспоминания в хорошей компании могут приобрести совсем иные оттенки, не так ли, мой друг? – француз снизил голос и наклонился к Михаилу Ивановичу. – Князь рассказывал мне о харь-

ковских приключениях... и даже о своём приятеле, тоже сироте. Вы ведь, кажется, приезжали к ним в Харьков?

Ильин недоверчиво смотрел на маркиза. Харьковские приключения были приключениями только для князя, а для Стеглова это была одна морока. Не признавая над собой ничьей опеки, Георгий противостоял ему, как мог. Стеглов писал, что, если бы не данное княгине слово, ничто на свете не заставило бы его терпеть все «радости» такого опекуинства. Особенно «радовала» Петра Петровича завязавшаяся дружба князя с беспризорником, который промышлял делами отнюдь не ангельскими. Новый приятель Георгия был чуть старше его, но с таким жизненным опытом, что Стеглов хватался за голову. Дружба, которой не находилось ни пояснений, ни оправданий тогда, вряд ли могла стать предметом обсуждений теперь.

– Я понимаю ваше удивление, Мишель. Не верится, что князь кому-то рассказывал о той стороне своей жизни, – снова откидываясь на подушки, добавил Шале. – Но, мне показалось, он хранит весьма тёплые воспоминания о той удивительной дружбе... А что с беспризорником стало потом? У него ведь не было возможности делать карьеру при дворе.

Ильин посмотрел в окно. Темнота почти заполнила молчаливое пространство.

– Беспризорником он был, пока не попал к Стеглову.

– И что? – в глазах Шале появился весёлый блеск.

– Да можно сказать, ничего.

– Неужто мальчишка оказался таким неподдающимся?

– Дело не в том, – Михаил Иванович свёл брови. – Я точно не знаю, что произошло. Однажды он то ли ушёл и не вернулся, то ли попал в какую-то переделку и погиб... Не могу сказать. Пропал, и никакие поиски не помогли.

Маркиз перестал улыбаться, но взгляд его оставался всё таким же весёлым.

– Ай-яй-яй. Вот беда! А что князь?

– Через некоторое время Стеглов увёз князя в Петербург.

– И как... – Шале почесал затылок и вдруг вспылил: – Не клопы, так вши! Когда же это всё закончится! М-да... Так на чём мы остановились? – он опять почесался. – И как же столица приняла отпрыска опальной княгини?

– Некоторые обстоятельства позволили увидеть в этом юноше не отпрыска опальной княгини, а сына боевого генерала, положившего жизнь за Россию.

– Весьма удачные обстоятельства... с легкой руки Жуковского². И что потом?

– В столице князь, можно сказать, с головой ринулся в открывшиеся перспективы. Это был уже целеустремлённый, несколько замкнутый молодой человек, принявшийся навёрстывать упущенное. Я редко задерживался в Петербурге – экспедиции, походы... но иногда мы виделись. Князь любил послушать мои рассказы, брал почитать рабочие дневники...

– Потом успел удачно жениться, овдоветь и развеять тоску на Кавказе. Карьера, служба, дети. Тут меня настигает впечатление, будто я уже где-то всё это слышал, – маркиз снова вздохнул, но на сей раз, чтобы прекратить разговор.

Вскоре экипаж остановился.

– Одно утешает, – проворчал Шале, – что завтра я, наконец, вернусь к привычному для меня образу жизни.

Хозяйка постоянного двора, невысокая полная женщина без определённого возраста, вручила им ключи от двух «лучших, что ни на есть» номеров, пообещала вкуснейший ужин, и даже велела одному из слуг проводить гостей в комнаты. Михаил Иванович, переступив порог выделенного ему помещения, понял, что здесь не так легко согреться. Не раздеваясь,

² Василий Андреевич Жуковский (1783–1852) – оставаясь поэтом, переводчиком и критиком, трудился в царской семье как чтец и учитель. Был человеком порядочным, пользовался заслуженным уважением и про друзей старался не забывать.

он прилёг на кровать, встретившую его усталое тело дружелюбным скрипом. Ильин осмотрелся: сэкономили здесь не только на дровах. На окнах сквозняк шевелил куцые занавески...

В «апартаментах» Шале вдруг послышался шум. Через тонкую стену Михаил Иванович различал практически каждый звук. Ещё через миг раздались ругательства, и дверь маркиза хлопнула, извещая всех о его бегстве из номера. Ильин выглянул в коридор, так слабо освещённый, что едва можно было заметить удаляющуюся фигуру француза. Из комнаты напротив высунулось лицо готовой возмутиться женщины.

– Успокойтесь, мадам, ничего плохого не произошло, – поспешил разочаровать её Михаил Иванович и быстро пошёл за маркизом. Почти слетев со ступеней, он наткнулся на кого-то, кто собирался подниматься на второй этаж.

– Миша! Жив-здоров... Ну, здравствуй, родимый! – крепкий россиянин с пышными бакенбардами оторвал его от пола.

– Жив-здоров буду, если не раздавишь, – улыбнулся географ, с трудом выбираясь из могучих дружеских объятий. – Здравствуй, здравствуй, Андрюша. Вот уж не ожидал тебя увидеть. Какими судьбами ты здесь?

– Проездом... Я наверх вещи закину и скоро спущусь к тебе, – сказал Батутин, оглядываясь на зал.

– Я здесь не сам, Андрей. Меня, как ценный груз, везёт в столицу маркиз де Шале. Спускайся скорей, я буду за одним из столиков...

Маркиз был в плохом настроении. Его ухоженные пальцы нервно скакали по крышке стола, не рискуя прикоснуться к прибору, поставленному перед ним. На холёном лице нетерпение выплясывало галоп.

– Небеса смилостивились надо мной: я вас дождался! – воскликнул он, как только Ильин сел напротив. – Жак согласен спать и есть, где угодно... Не знаю как вы, Мишель, но я более не намерен находиться в этом... готеле, а потому сообщаю, что нынче буду спать в карете. Даже мороз – ничто в сравнении со здешними четвероногими обитателями. Подумать только, я видел крысу!

Михаил Иванович усмехнулся заявлению собеседника, на что тот обиженно фыркнул, и, скрестив руки, спрятал пальцы под мышками, словно боялся лишний раз к чему-либо здесь прикоснуться. Ильин помедлил какое-то время, потом придвинул свою тарелку и взялся за вилку.

– Бог мой, вы будете это есть?!

Беседа не ладилась. Шале продолжал сидеть на месте, несмотря на угрозы немедленно покинуть заведение. Он ворчал, не утруждая себя подумать об аппетите спутника, и ничуть не смущался тем, что был единственным, кто говорил за столом.

– А кто это вас обнимал? – резко меняя тему, вдруг спросил Шале, и, услышав знакомую фамилию, тихо воскликнул: – Батутин? Тот самый? Один из ваших студенческих друзей? Вот уж совпадение! Удивительное, я бы сказал, совпадение.

Ильин посмотрел в очень живые глаза маркиза, но не увидел там ничего, кроме обычного любопытства.

– Пожалуй, я пойду, – наконец произнёс француз и поднялся с места. – Приятного вам аппетита, Мишель. И будьте крайне осмотрительны: *крысы повсюду*. Фи!

В зале появлялись новые люди. Одни заходили со двора, другие спускались с верхнего этажа. Михаил Иванович, поглядывая на часы, пытался втолкнуть в себя рагу, давно остывшее и застывшее в горле.

– Сыт, согрет и к тому же один! – раздался знакомый низкий голос.

– Как же я рад тебя видеть, Андрюша! – Ильин отложил вилку.

Батутин сел на то место, с которого недавно сбежал маркиз, и поманил полового к их столу. Слуга, выслушав пожелания нового посетителя, собрал грязную посуду, покосился на нетронутый заказ странного француза, и удалился, чтобы отработать чаевые.

– Сколько ж это ты не был в России? Я уж и не припомню, когда видел тебя в последний раз, – Батутин рассматривал друга. – И как? Всё исследовал, что хотел?

Ильин помотал головой.

– Всё такой же ты, Миша, неугомонный. На месте тебе не сидится, жаждешь объять необъятное. Срываешься с места, никого не предупреждая... А годы-то наши уходят. Взгляни на мой лоб: морщин уже, что у гармошки.

– Это не морщины, Андрюша, а роспись напряжённой мысли, – тепло улыбнулся Ильин. – Годы не только уходят, но и приходят.

Вскоре половой вернулся с заказом. На столе сразу стало повеселей, а на душе поуютней.

– Ты, наверное, и не знаешь, что Петрович женился, – Батутин взял паузу на жевание.

– Неужели? Стеглов? Что ж он, чёрт длинноногий, не написал мне? Я бы всё бросил и на свадьбу этого прожжённого холостяка непременно приехал. Надо же...

– Ага, приехал бы. Любаша мне по сей день простить не может, что я свёл её старшую красавицу со старым холостяком без состояния.

– погоди, ты о сестре своей, Любаше Васильевне? Ха-ха-ха, она же Стеглова терпеть не могла, как впрочем, и в Москве твоя родня его недолго любила. Вот Стеглов, вот молодец! Ай да Пётр Петрович! Говорить не научился, коли девке голову заморочил, – Ильин усмехнулся и добавил: – Что ж, теперь я один буду стоять против армии девок и вдов. Женюсь – весь мой труд, что свинье вёсла.

Батутин покосился на невзрачного мужичка за соседним столом, прислушивавшегося к их разговору.

– Голова что-то тяжела стала. Может, прокатимся, Миша, в санях для бодрости?

– Да я как-то за последние дни накатался, Андрюша, – Ильин допил чай. – Значит, вы со Стегловым окончательно осели в столице.

– Уже много лет, гораздо больше, чем ты ездил по своей Европе. Петрович теперь чаще заходить стал... родственничек. Мы с ним как встретимся, так непременно и заведёмся спорить о чём-нибудь. Упрямый, как... слов нет.

Андрей Васильевич замолчал, поняв, что его уже не слышат. Он догадался о причине внезапной рассеянности путешественника, но первым заводить разговор на щекотливую тему не хотел.

– А что твоя родня в Москве? – спросил Ильин, не глядя на друга.

– Если ты про Ольгу, так она с семьёй в Петербург переехала.

Михаил Иванович кашлянул.

– С мужем и дочерью, – уточнил Батутин.

– Стеглов писал, что она вышла замуж после нашей размолвки.

– Вы с Петровичем сговорились? Он женился на дочери моей сестры, а ты всё вздыхаешь по дочери моего брата. Миша, кроме моих племянниц есть ещё сотни девиц, готовых стать хорошими жёнами, как только ты будешь готов выбрать одну из них.

– А я не готов.

– То-то и оно. Если не пойдёшь со мной гулять, сам пойду, – Батутин крикнул и первым встал из-за стола.

Морозная ночь с прояснившимся небом стояла безмолвно. Любопытные звёзды поглядывали вниз, выблёскивая ритмы светящего счастья. Двое весёлых, шумно спорящих людей стояли прямо под ними: эти двое спорили, куда им ехать и ехать ли вообще.

Придя к согласию, люди уселись в сани.

– Гони, милый, гони! – крикнул Ильин кучеру, едва ли не готовый сам лететь впереди лошадей. – Эх, Россия-мать, угости раздольем!

– Ещё занесёт куда – не выберемся.

– Выберемся, Андрюша. Вот увидишь, – в голосе Ильина прорывался азарт.

Поток морозной бодрости, в который они врезались, смахнул последние остатки удушья, вынесенного из трактира.

– А-а-а! Эгэ-гэ-э! – завопил некто изнутри, отозвавшийся эхом в мозгу Ильина.

До чего же здорово, вольно! Над головой ночь, изрешечённая созвездиями. И никого вокруг, кто мог бы осудить, перед кем надо из приличия сдерживать порывы... Какое счастье иметь такие зимы! Их хочется помнить, осязать, держать в руках...

– Стой! погоди, Фёдор! Да стой же ты!

Расторопный кучер усмирил разогнавшуюся тройку. Как только сани остановились, географ выскочил из них, и, проваливаясь почти по колено в снег, стал пробираться в поле.

– Я дома, Андрей, я дома! – оглянувшись, закричал он. – Это же самое большое и так редко ценимое нами счастье! Ступай же из саней, Андрюша! Вываляемся в снегу, учиним безобразие над возрастом и манерами, хоть без свидетелей, да не с меньшим удовольствием. Как мальчишки, а?

– Ты и без того мальчишка, – проворчал Батутин, не двигаясь с места.

Ильин, заметив, что одинок в своей бурной радости, и затея его не вдохновляет на действия, перестал шуметь и просто упал в снег лицом к небу. Широко раскинув руки, он запустил голые пальцы сквозь пробитый наст в обжигающее тело зимы. Небо было прямо над ним, огромное, яркое. Он смотрел в него и видел обрывки своей жизни, которая была так туго набита событиями, что незаметно разошлась по швам, и всё её содержимое выпало в мир, перепуталось с ним и составило одно целое. Этот мир ему хотелось знать от и до, заглянуть в каждый тайник, сорвать всякий занавес. Хотелось всегда, но не сейчас... Если бы не пальцы, забытые в снегу и настойчиво напомнившие о себе, он пролежал бы ещё бог весть сколько, покинутый самим собой. Нехотя он всё же поднялся, и, не отряхиваясь, побрёл к саням.

– Пройдёмся вперёд, – оставляя нагретое место, предложил Андрей Васильевич. – Ходьба – дело полезное.

Он крепко взял Ильина за руку и почти потащил его вперёд по дороге.

– Я поговорить с тобой хочу, а кучеру не доверяю, – тихо произнёс Батутин, продолжая идти.

– Опять твои причуды, Андрюша, – Ильин обогнал друга, чтобы взглядеться в лицо, недавно выражавшее радость.

– Да какие уж причуды! У нас, Миша, в последние месяцы много чего изменилось³, – Батутин снова взял друга за руку и повёл дальше от саней.

– Читал я в газетах.

– Читал! Бенкендорф, от которого ты письмо получил, имеет виды только на тех, кто, по его мнению, так или иначе, причастен к какому-либо подозрительному делу. А Шале, этот избалованный аристократишка, далёк от политики, как ты от женитьбы. И если он согласился передать письмо Бенкендорфа, то трудно представить, каким географическим открытием ты их заинтриговал...

³ В ноябре 1825 года скончался Александр I, не оставив прямых наследников. По старшинству трон должен был наследовать великий князь Константин, но он ещё раньше отрёкся от престола. Увы, отречение Константина было обнародовано в последний момент, и переприсяга Николаю послужила поводом для восстания полков на Сенатской площади.

– Надо же, – Михаил Иванович покачал головой. – Маркиз показался мне вполне милым человеком. Даже его капризы и ребячество не испортили моего впечатления о нём. Кстати, он говорил, что письмо от Бенкендорфа взялся передать лишь потому, что у него были свои дела в Лионе.

– Может, и были. Я едва выволок тебя сюда, пока ты там не наговорил чего лишнего.

– Лишнего?

– Ну, мало ли... Внимательные уши сейчас повсюду.

Ильин остановился, и, сняв шапку, взъерошил волосы.

– С вами не соскучишься...

– А с вами? Если б не князь Артемьев, я бы не успел тебя предупредить. Только и с князем нужно быть теперь осторожным, – Батутин почему-то оглянулся. – Воспитанник Петровича уже в звании полковника, состоит флигель-адъютантом в Свите его императорского величества. Пользуется особым доверием государя.

– Георгий?

– Георгий. Он одним из первых присягнул новому царю. Во время восстания в Николая стреляли, а пуля попала в князя. Те, кто были рядом, уверяют, что Артемьев заслонил собой государя, мгновенно сориентировавшись в ситуации, но остаются и такие, кто верит в случайное совпадение. Бенкендорф принадлежит к числу последних. Ни для кого не секрет, что меж ним и князем процветает соперничество, прокол одного послужит ступенькой в карьере другого. Я хоть и не питаю к Артемьеву тёплых чувств, но всё же не могу не признать, что порой он нас здорово выручает.

Михаил Иванович натянул шапку и поднял воротник шубы.

– Я сейчас вот о чём подумал, Андрей... Не сказал ли я чего ненужного про князя? Маркиз очень интересовался его судьбой.

– Не знаю, в чём дело, но Стеглов предупредил, что в присутствии француза нельзя верить ни глазам своим, ни ушам... Ладно, не переживай, – Батутин похлопал друга по плечу. – Не за князя думай, а за себя.

– А Оленька? Как она?

– Годы тебе ума не прибавили.

– Я её мир нарушать не стану.

– Уехать бы тебе, пока всё не утрясётся.

– Нет уж, благодарю! – Ильин отпрянул от заботливого друга. – У меня уйма дел, а ты предлагаешь всё бросить и бежать. Если б ты знал, как хотел я вернуться в Россию!

Ильин махнул рукой и пошёл к саням. Батутин, громко вздохнув, потопал за ним.

Глава II

За спиной общественного мнения

В кабинете князя Артемьева собралось несколько человек. Маркиз де Шале, оседлав стул, возил чернильницу по крышке массивного полированного стола, обычно предназначенного для работы. Настроение маркиза было почти хорошим, и он то и дело откалывал колкие реплики от своих неистощимых запасов остроумия. Граф Радневский сидел по соседству в кресле, закинув ногу за ногу, и шлифовал ногти пилочкой, с которой редко расставался. Он любил шутки только понятные ему и касающиеся других, поэтому репликам, подчёркивающим слабости их общих знакомых, улыбался очень даже искренне. Его крупная голова в светлых кудрях сидела на пьедестале мощных плеч и подрагивала от смеха, судя по звукам, вырывающегося из больших глубин. Видимая часть шеи у Фёдора Александровича отсутствовала, но это не мешало ему вовремя поворачивать голову на каждую новость. Князь, расположившись у окна, просматривал последнюю прессу. Он был самым мрачным из присутствующих, но, зная его скверный характер, никто из гостей тому не удивлялся, и расходиться никто не хотел. Артемьев уже не раз, словно ненароком, взглянул на настенные часы, на его смуглом лице с резкими чертами не раз отразилось нетерпение, и всё же каждый из них знал, что, будь у князя другие планы, он давно бы нашёл способ выставить всех за дверь. Бенкендорф относился к подобным манерам так, как требовали обстоятельства, ему было вполне уютно на диване, и он почти отдыхал, периодически корректируя текущий полилог... Чисто мужская компания. Господам было о чём поговорить.

– Такая серьёзная с виду дама, что никогда бы не подумал... – Шале хихикнул. – Воистину женщины устроены куда сложнее, чем возможно понять. Женская душа – тема до сих пор неизученная.

– А-а, куда там! – Радневский неудачно махнул рукой, и пилочка выскочила на ковер. Поразмыслив, он сдвинул своё крупное тело на край кресла. Только качественная мебель могла промолчать, когда граф решил наклониться, не отрываясь от сиденья – пилочка лежала всё-таки на расстоянии, советовавшем встать и сделать шаг.

Шале оставил чернильницу в покое, покрасневшее графское лицо приковало к себе его взгляд.

– В её возрасте... пора бы... побеспокоиться и о душе, – тяжело проговорил граф, продолжая осторожно тянуться за пилочкой.

– В любом возрасте полагалось бы беспокоиться о душе, – хитро улыбнулся маркиз.

Бенкендорф вытянул ноги в начищенных до блеска сапогах, и тоже наблюдал, как пальцы Радневского подбирались к заветной цели.

– А вы как считаете, князь? – спросил генерал на всякий случай, хотя наперёд знал, что князь ускользнёт от прямого ответа.

– Мне не нравится слово «беспокоиться», – казалось, хозяин дома напряг все мышцы лица, чтобы не зевнуть во весь рот.

– А каким бы словом вы заменили его?

– Я бы вообще не затрагивал тему, в которой отсутствуют факты, – тёмные глаза князя увели от зрителей неприязненный взгляд.

– Это уж точно, – усмехнулся Радневский, наконец поднявший пилочку и вернувшийся в исходное положение.

Маркиз посмотрел на собственные ногти и остался доволен. Потом провёл рукой по волосам, взялся за галстук и потянулся взглядом к ближайшему зеркалу. Но зеркал здесь было маловато... Шале с удивлением заметил, что после ремонта в кабинете князя вообще

осталось всего одно зеркало, и висело оно в таком месте, что маркиз не обнаруживал в нём своего отражения. Впрочем, там не отражался никто – лишь часть интерьера, да и то не самая лучшая... И Шале снисходительно подумал о том, что природа не всех одарила изысканным вкусом.

– А что, маркиз, удачной ли была ваша поездка в Лион? – вспомнил граф, далёкий от утончённых мотивов.

– Скажу, что новости, которые я привёз из Лиона, касаются не меня одного, – Шале поднялся со стула и прошёлся по комнате, благо просторное помещение позволяло избежать перешагивания чужих ног.

Маркиз не без удовольствия заметил, как насторожился Бенкендорф, и потому тянул с пояснением, сколько получалось. Совсем недавно он готов был удушить голубоглазого генерала, зачистившего к маркизе в его отсутствие, но сегодня решил обойтись мелкой мстью. В конце концов, великодушие дано избранным, да и мало ли какие важные дела могли пригонять Александра Христофоровича к жене маркиза де Шале... К примеру, генерал мог навещать Луизу, беспокоясь о её супруге, задержавшемся в опасной поездке, или привезти какие-нибудь новости из дворца, руководствуясь банальной вежливостью. Мысли иного рода, конечно, лезли куда настойчивей, но маркиз почти заставил себя остановиться на последних, вполне удобных для каждой из сторон.

– Маркиз, вы нас интригуете. Что за новости? – граф Радневский и в самом деле ждал новостей.

– А такие новости, что в этом году шёлк, скорее всего, будет дорожать, – выложил Шале, снова глянув в сторону Бенкендорфа.

Генерал едва заметно улыбнулся и промолчал. Маркиз переместился к окну и замер над князем – отсюда хорошо было видно то самое зеркало, только теперь в нём отражались Радневский и Бенкендорф. Лучше всех их мог видеть со своего места сам хозяин, и, наверное, видел, когда отвлекался от газет. Шале ещё переместился, и снова не нашёл себя в зеркале, зато стал виден край стола, на котором осталась одинокая чернильница.

– Кроме шёлковых, есть и другие ткани, – граф зевнул, ничего не замечая. Из троих гостей его одного пригнала сюда скука.

– И чем же вы прикажете заменить муар, атлас, бархат, тафту? – быстро и почти весело спросил Шале. – Боюсь, с исчезновением шёлка исчезнут и дамы на балах... Так ли я размышляю, князь?

– Разумеется, – кивнул Артемьев, не слушая его и не отрываясь от газет.

– Георгий Павлович вряд ли будет вам советчиком в столь тонком деле, дорогой маркиз, – мягко сказал генерал. – Князю некогда о себе подумать, не то что о шёлке. Тот, кто служит государю и России, себе не принадлежит.

Во всём поведении Артемьева не было ничего такого, что могло бы подтвердить его интерес к происходящему вокруг, но Бенкендорф знал, что тот следит за разговором, как и за каждым из гостей. Знал, что газеты оправдывали расположение у окна: больше света, легче читать. Вряд ли кто другой догадывался о том, что такое расположение позволяло хорошо видеть лица всех присутствующих, а самому оставаться практически силуэтом на фоне светлого прямоугольника. Если бы генерал ещё обратил внимание на зеркало, повешенное определённым образом... Но для этого ему надо было бы тоже прогуляться по комнате, как это сделал маркиз.

Артемьев убрал одну газету и взял другую. Шале заглянул в прессу через княжеское плечо, и, не увидев там ничего интересного для себя, отошёл в сторону.

– Так ведь и я забочусь о России, – искренне сообщил он, облачиваясь о секретер и принимая картинную позу. Он, наконец, встретился со своим отражением в зеркале.

– Каким же образом вы заботитесь?

– Я занижу цены на шёлк, и благодаря мне платьев не убудет, а милым дамам не придётся портить кровь своим мужьям, – сказал маркиз, разглядывая себя в зеркале и приходя к выводу, что выглядит, как всегда, великолепно.

Редкий мужчина следил столь тщательно за модой, как он. Новые веяния в моде предполагали появление нового идеала, и Шале очень даже нравился этот идеал, позволявший... нет, требовавший быть не похожим на других при всей видимой схожести. Светские костюмы стали мало отличаться от несветских, но сколько же возможностей выделиться открывалось тому, кто имел на моду острый нюх и тугой кошелёк... и не носил этих клятых мундиров. Маркиз покосился на Бенкендорфа и Артемьева и снова вернул взгляд к своему отражению – самые дорогие ткани, отличный покрой... и элегантность во всём, не исключая запонок.

– Так-то, – попытожил он и щёлкнул пальцами.

– О маркиз! – неприязнь в голосе князя то ли плохо скрывалась, то ли ненароком демонстрировалась. – Ваши заслуги перед обществом будут непременно оценены. Вопрос лишь, во сколько.

– Прибыль, разумеется, никогда не помешает, но интересы России – прежде всего, – Шале устремил к потолку указательный палец, элегантно сверкнув бриллиантом в золотой запонке.

– Да, господа, интересы России прежде всего, но, – Радневский погладил свой живот, – видите, к чему приводит кабинетная жизнь.

– Ничего, граф, когда-нибудь вы женитесь...

Радневскому не пришлось отвечать. Бенкендорф в качестве примера привёл свой жизненный опыт и закончил лаконичное повествование тем, что похвалил нынешний выбор Фёдора Александровича.

– И в самом деле! – подхватил маркиз. – Мари... м-м... Проханова, должен признаться, просто прелестна. Кровь с молоком, и никаких притязаний.

Радневский промолчал, не будучи склонным говорить о своей личной жизни с тех пор, как Элен отказала ему и вышла замуж за другого. Он ухаживал теперь за её сестрой, породив тем самым нелепые слухи. Артемьев тоже молчал. Присутствующие знали, что покорило сердце строптивой красавицы бывший гувернёр и опекун князя.

– Я женился в тридцать семь, – добавил Бенкендорф. – И не жалею о том.

– А-а, генерал, – лукаво сощурился Шале, – слышаны мы не только о боевой вашей славе.

– Да и вам грех жаловаться, – ответил тот, понимая, куда клонит маркиз.

– Не скромничайте, Александр Христофорович! – оживился Радневский. – Непревзойдённая Анжелика уехала на родину с разбитым сердцем. Говорили, она искала вас, так как вы пообещали жениться на ней.

Бенкендорф загадочно улыбнулся.

– Анжелика? – переспросил Шале. – Случаем, не та ли это актриса, которая была любовницей Бонапарта?

Генерал сделал вид, что не расслышал его.

– Слава Богу, – вздохнул маркиз, – что наша вера не предусматривает многожёнства. В противном случае, живя в России, где столько красивых женщин, я непременно женился бы до тех пор, пока не был бы разорён.

– Либо, напротив, невероятно разбогатели бы, получая приданое каждой невесты.

– О, какой женщине надолго хватит приданого, когда мода быстро меняется? – удивился Шале, и удивился искренне.

– У вас, маркиз, никто в подобном вопросе не выиграет спор, – уколол его князь.

Радневский не упустил случая поинтересоваться, не надумал ли Георгий Павлович и сам опять жениться? В конце концов, если обсуждать личную жизнь, так уж без исключений. Но Артемьев пошелестел газетой и равнодушно проговорил:

– «Женишься ты или не женишься – всё равно раскаешься»⁴.

– Я бы на вашем месте всё-таки женился. Гораздо спокойнее жить, когда воспитанием детей занимается жена.

– Жёны склонны воспитывать не только детей.

– Сомневаюсь, князь, что вас кто-либо решится воспитать, – съязвил Шале, отходя от стола и присаживаясь на диван.

Бенкендорф едва заметно покачал головой: если бы маркиз помнил, зачем пришёл сюда... Но самонадеянный французишко то злил его самого, то пытался куснуть князя, а в основном умудрялся делать и то и другое одновременно.

– Тепер надо заниматься воспитанием не жён и мужей...

– А, к примеру, географов, – отчётливо произнес Артемьев, и в кабинете стало очень тихо. Князь отложил газеты.

Бенкендорф почувствовал на себе его пронзительный взгляд, и в который раз испытал желание ответить резкостью. Но не смог. Разум мгновенно взял верх над спровоцированными эмоциями.

– О-о, господа, давайте не будем затрагивать тоскливые темы, – протянул Шале. – В такой чудесный день хочется говорить о чём-нибудь лёгком, приятном... например, о моей книге. Писательский талант в наше время – редкость. Я и Пушкин...

– Кто курирует дело Ильина? – прямо спросил князь, игнорируя болтовню маркиза.

– Дело столь запутанное, что, по всей вероятности, пройдёт не одни руки, – уклончиво ответил Бенкендорф, и тут же поинтересовался: – Вам, Георгий Павлович, угодно в том находить свои интересы?

– Я имею все основания полагать, что мои интересы полностью совпадают с интересами государя.

– Что за птица этот Ильин? – Радневский тоже присоединился к тоскливой теме. – Не так давно меня просила за него одна особа. Я не выяснял, каковы причины, побудившие её на то, и сказал, что ничего не знаю. Она была весьма настойчива. Так настойчива, что взяла с меня слово разузнать его судьбу.

– Я как погляжу, – на лице генерала появилась странная улыбка, – Ильина и в самом деле привезли в столицу тайно.

Шале потёр нос. Он не мог сказать ничего утешительного Бенкендорфу, поэтому обратился к графу:

– Хороша собой?

– Простите? – не понял Радневский.

– Особа та хороша собой?

– Не в моём вкусе.

– Верно, его любовница.

– Уверен, вы ошибаетесь, маркиз, – возразил Артемьев. – Ильина не было в России несколько лет. Какая женщина после столь долгой разлуки станет ходатайствовать за бывшего любовника?

– Я бы не удивился, – Бенкендорф будто задумался, – когда бы за Ильина просил таким образом господин Стеглов. Если я смею доверять моей памяти, они были некогда в тесной дружбе.

⁴ Первым это заметил Сократ (древнегреческий философ, ок. 469 г. до н. э. – 399 г. до н. э.).

Граф покраснел, но промолчал. Намёк генерала задел чувства, которые он тщательно прятал.

– Стеглов не стал бы перекладывать ответственность на женские плечи, а тем более ставить свою жену в неловкое положение, – холодно сказал князь, тоже задетый догадкой Бенкендорфа.

Радневский отвёл взгляд. Шале один оставался в состоянии полной гармонии с самим собой и с окружающим миром. Он играл лорнетом, который практически никогда не использовал по назначению, и мило поблёскивал пуговицами своего нового сюртука. Бенкендорфу пришлось спасать ситуацию.

– Родственник Ильина имел непосредственное участие в декабрьском мятеже, – объяснил он. – Агентами было перехвачено его письмо к Ильину – письмо крамольного содержания. Разумеется, не отреагировать на подобное мы не имели права.

Выслушав генерала, Радневский поднялся.

– Господа, мне пора. Прошу извинить меня, – сдержанно произнёс он.

– Как жаль, – вздохнул маркиз. – Приезжайте завтра ко мне. Вист и хорошее вино, надеюсь, поднимут вам настроение.

– Благодарю...

Князь последовал за уходящим гостем. Граф обернулся к нему, как только они оказались одни.

– Я вам признателен, Георгий Павлович, и буду рад в свою очередь оказать услугу.

– Вы мне ни в коей мере не должны.

– Я в самом деле спешу, – попытался оправдаться гость, и, замаявшись, добавил: — Даю вам слово, что не Элен просила за Ильина.

– Я знаю.

– Вы догадались, о ком я говорил?

– Нет, но я уверен, что Стеглов не прислал бы к вам свою жену.

Радневский перешёл на шёпот:

– Не стоит вам, князь, осложнять отношения с генералом. Он памятьлив, и кто знает, чем обернётся завтра то, что сегодня выглядит как дружеский спор.

– Никто не знает, кем завтра проснётся.

– А вам интересно услышать, кто обращался ко мне по поводу Ильина?

– И кто же?

– Я разочарую вас, назвав её. Это кузина сестёр Прохановых – Ольга Ильинична, жена Романа Топорина.

– И отчего я должен разочароваться?

Радневскому показалось, что Артемьев потерял последний интерес к разговору. Князь старался быть вежливым, но на его смуглом лице с резкими чертами появилось то выражение, какое определяет степень нетерпения.

– Должен заметить, – граф всё же не смог не продолжить, – мало кто понимает выбор Романа Степановича.

– О чём вы?

– О его жене.

– Да будет вам, Фёдор Александрович, – протянул князь. – Неужто мы с вами станем обсуждать такую безделицу? Я и Топорина-то в глаза не видел.

– Вполне приличный господин. Кстати, великолепно играет в вист... и не только.

Радневский не стал вдаваться в подробности, из которых бы выяснилось, кто кому сколько проигрывает и кто кому сколько должен. Князь попрощался с ним, и уже собрался вернуться в кабинет, как граф вспомнил, что ещё не договорил.

– А знаете, она до замужества, когда ещё в Москве жила...

Артемьев наблюдал, как лакей помогает графу просунуть руки в тесные рукава шубы. Каждый раз, надевая её, Радневский проделывал гимнастические упражнения для плечевого пояса, но покупать шубу попросторней не хотел. В этой он казался себе более стройным и привлекательным.

– ...а после к ним всё турок ходил, – говорил граф, не останавливаясь. – Так этот турок чуть не украл её. Хорошо, слуги заметили вовремя, что кто-то в дом пробрался. Разве стал бы мужчина красть женщину, ежели б она ему надежд не подавала?

– Ай-яй-яй, и куда смотрел Роман Степанович! – раздался сокрушённый возглас незаметно подошедшего маркиза.

Радневский поспешно попрощался, и, наконец, ушёл. Артемьев и Шале переглянулись, но воздержались от реплик, почувствовав за спиной присутствие генерала.

– Мне, пожалуй, тоже пора, – сказал Бенкендорф.

– А я еще чуть задержусь, с позволения князя, – вздохнул Шале и зевнул, прикрывая рот кончиками пальцев.

Генерал незаметно кивнул ему и обратился к Артемьеву:

– Искренне рад, Георгий Павлович, что вы нашли друга в лице маркиза. Маркиз – милейший человек. Только не садитесь играть с ним в карты: он проиграет вам всё состояние, и его очаровательная супруга ему этого не простит.

Когда Шале и Артемьев остались без присмотра Александра Христофоровича, они вернулись в кабинет. Маркиз сразу повалился на диван, и, закинув ноги на валик, принялся изучать лепнину на потолке. Было очевидно, что с уходом двух гостей он почувствовал себя гораздо приятней, и, не сводя взгляда с золочёных веточек над головой, стал насвистывать какую-то незатейливую мелодию и при этом щёлкать пальцами в такт.

– Да уж, – присаживаясь в кресло напротив него, усмехнулся князь. – С чего это Бенкендорф решил приложить устную печать к договору нашей дружбы?

– О, Георгий Павлович! – Шале перестал свистеть, но взгляд его всё ещё оставался приклеенным к золочёным веточкам. – Генерал только хотел, чтобы вы были хоть чуточку доверчивы к моей персоне, и, к примеру, захаживали ко мне в гости, делились со мной планами, пили в моей компании много вина, увлекались моей женой и имели возможность проговориться о чём-либо тайном. Или у вас нет тайн, господин Артемьев?

Брови князя поднялись вверх.

– Да что вы говорите, маркиз! Помилуйте, о какой дружбе может идти речь, когда все привыкли видеть нашу взаимную неприязнь?

– Ах, неприязнь всегда можно заменить любовью. Я компанейский человек, меня нельзя не любить. Отчего же вы должны быть исключением? – маркиз повернул лицо, сияющее самодовольством. – Зато вы сможете всегда приходить в мой дом. Друзья не должны лишать себя удовольствия ходить друг к другу в гости...

Артемьев смотрел на маркиза, кивая ему в подтверждение, и вдруг резко схватил его за руку и потянул на себя. Шале свалился.

– Жоржи! Чёрт побери, ты в своём уме?! – возмутился он, быстро вставая. – У меня чуть сердце не выскочило!

Князя прорвало громким смехом.

– Дикарь, – уже обиженно фыркнул маркиз. – Когда-нибудь я вызову тебя на дуэль!

– Ты слишком дорожишь своей холёной шкурой, чтобы решиться на такое безумство, как дуэль. Ты не за тем остался, Пашка, и не за тем, чтобы уверять меня в своей дружбе.

Шале вздохнул, продолжая стоять. Весь лоск и напыщенность слетели с него, как пудра. Перед князем оказался раздосадованный плут, колебавшийся в намерениях, известных ему одному, и ничуть не усомнившийся в своих способностях дуэлянта.

– Ну? – подстегнул его Артемьев.

– Во-первых, Жоржи, должен тебя честно предупредить, что, вопреки пожеланиям Бенкендорфа, я категорически против всяких покушений на честь моей жены с чьей-либо стороны, а более всего – с твоей...

– А во-вторых?

– А во-вторых, – Шале присел на диван, не сводя с князя внимательных глаз. – Во-вторых, оставь затею с делом Ильина. Ничего с Мишелем не будет такого, о чём можно сокрушаться – у генерала на него вполне безобидные планы.

– Какие могут быть планы на жизнь и свободу дворянина?

– Брось, Жоржи! Его жизнь в безопасности, как никогда.

– До тех пор, пока в том есть интерес Бенкендорфа? – голос князя стал жёстким, взгляд всверливался в лицо юлившего гостя. Любой другой на месте маркиза почувствовал бы себя в лучшем случае неудобно... любой другой, но не маркиз.

– Ну зачем тебе Ильин? Он всего лишь приятель твоего бывшего гувернёра... – Шале запнулся, поняв свою оплошность. – Жоржи, я беспокоюсь о тебе. Бенкендорфу не понравится твоя заинтересованность в судьбе государственного преступника.

– Если бы он был государственным преступником, я бы первым отдал приказ арестовать его – ты знаешь моё отношение к заговорщикам.

– Ни за кого нельзя ручаться. Времена меняются. И, между прочим, заговорщики не всегда не правы. Когда в государстве происходит такого плана заварушка, умные люди всегда найдут для себя выгоду. Ты сам подумай, Жоржи.

Артемьев пренебрежительно скривился.

– Не говори мне этого, Павел. Кучка разленившихся дворян, задолжавших казне, готова была ради своих интересов привести к власти насильника и дебошира.

– Высоко пойдёшь, князь. С такой искренней убеждённости не надо и притворяться.

В тёмных глазах Артемьева застыло нечто, принудившее маркиза срочно поменять тактику. Ссориться с Георгием он не собирался, и совсем не по предписанию Бенкендорфа.

– Ах, Жоржи! Ты защищаешь Ильина, движимый чувством благодарности к Стеглову – тут я тебя понимаю. Но если Бенкендорф подаст рапорт о деле Ильина, то, учитывая сложившуюся обстановку в России, думаю, Мишелю не удастся увидеть волю в ближайшие лет десять... если дело всё-таки попадёт в руки царя.

– Иными словами, Бенкендорф тебе велел убедить меня в молчании.

Шале растянул улыбку и тут же спрятал её.

– У Бенкендорфа есть свои симпатии к Ильину, – уже серьёзно сказал он. – Но если царь усомнится в преданности генерала, то последний отстоит свою правоту, предъявив суду доказательства, которые быстро найдутся. Ты понимаешь, кто выиграет? Пока вы с генералом будете драться, географа сгноят в казематах. Бенкендорф через два часа будет у царя с докладом, если я не сообщу ему утешительные новости по поводу твоего благоразумного решения. Между прочим, у Ильина был шанс сбежать, когда я вёз его в Петербург. Я даже не удержался и в последнюю ночь намекнул ему об опасности, но он был глух. Теперь всё в руках Бенкендорфа и твоей голове. В минуте вся жизнь. Думай, Жоржи, думай.

– Я всегда думаю.

– Вот и чудесно! – обрадовался Шале, словно не замечая его настроения. – Не будем же ссориться на радость нашим врагам. Признаюсь, тебе удалось меня удивить – появления Батутина в последней гостинице я никак не ожидал.

– А каков твой интерес во всём этом? – вдруг спросил князь.

– Никакого, – разводя руками, признался Шале. – Совершенно никакого. Никто другой не довёз бы Ильина с таким комфортом, как я.

Саркастическая улыбка Артемьева вряд ли могла вдохновить на новую ложь, но маркиза трудно было остановить.

– Жоржи, клянусь, дело не в политических убеждениях. Скоро он будет на свободе.

– Раз дело не в политике, тогда в чём?

– Этого я пока не могу сообщить при всём моём доверии к тебе, – Шале громко вздохнул. – Ты сомневаешься? Но если бы я не доверял тебе, разве заставил бы меня кто-либо приехать в этот город?

– В данном случае речь идёт не о твоём доверии, а о моём.

Какой-то миг они молча смотрели друг на друга – два полюса, которые не могли ни удалиться, ни приблизиться.

– Нет, Жорж, так не пойдёт! – обиделся маркиз, насколько умел обижаться. – Теперь я должен при каждой нашей встрече изображать раскаяние за то, что выжил и преуспел.

– Выжило прежде всего твоё желание преуспевать.

– Почему бы и нет? Вполне естественное желание. Вот только одна заноза...

Артемьев отвлёкся, прислушавшись к звукам за дверью кабинета. Детский визг сменился смехом и быстро растворился в большом доме.

– Ах, и так всегда! – горестно воскликнул маркиз. – Стоит мне заговорить о моих проблемах, как все тут же делают вид, будто у них своих проблем гораздо больше.

– У тебя ещё новость?

– Право же, мой свет, ты догадлив.

– Топорин? – Артемьев повернулся к нему.

– Увы. Пашкин земляк, а копает вокруг маркиза де Шале. Понимаешь, о чём я? – маркиз, сощурился, напряжённо смотрел на князя.

– Ты становишься подозрительным, как наш генерал, – в тоне Артемьева слышалось пренебрежение – не к Пашке, а к его нелепым страхам. – У Топорина влечение к чужим биографиям в основном по долгу службы. Вряд ли ты его мог заинтересовать.

– Жоржи, надо думать наперёд, а не после. Топорин ведь родом откуда-то из-под Харькова. А если у него хорошая память на лица?

– Сомневаюсь, что до такой степени... маркиз. Мог бы и поскромней себе имя найти.

– Тебя же не обременяет твой княжеский титул.

– Не сравнивай.

Шале нахмурился.

– Даже если Топорин ничего не докажет, – пробормотал он, – отношение столичного света к маркизу де Шале может отклониться не в лучшую сторону. Был ли смысл тогда заручаться здесь дружбой влиятельных скряг, идиотов и зануд?

– Ого! А что же сюда принесло тебя – щедрого, умного и весёлого?

– Не в Харьков же я должен был вернуться! – ничуть не смущаясь, выкрутился Шале. – Не дуйся, Жоржи, что не посвящаю тебя в некоторые моменты моей биографии. В них нет ничего такого, что хотелось бы вспоминать, – и словно в подтверждение этих слов в маркизе ухмыльнулся озлобленный беспризорник, готовый пойти на всё ради своей навязчивой мечты.

Его родитель, барич, наделавший кучу детей по всей Слобожанщине, скорее всего вообще не догадывался о существовании Пашки. Мать, подбросившая сына на порог французского булочника, давно спилась. Булочник часто поколачивал подкидыша, воровавшего у него то бублик, то пончик, ругался и грозился воришку прибить. Может, и прибил бы, если бы однажды Пашка не сбежал... Улицы, чужие усадьбы, ярмарки с непереводающимися ротозеями. Знания французского языка и некоторых секретов теста не могли прокормить мальчишку в отличие от проворных рук. А потом очередная драка. Если бы Пашка мог предположить, что разбил нос юному князю, если бы тот заявил о своём привилегированном положении, когда их забирали в полицейский участок – не сплелись бы так крепко судьбы двух мальчишек. Дрались они, как обычные подростки, бежали от полицейских, как поло-

жено тем, кто нахулиганил и боится наказания. Разбирались, кто крайний, уже потом. Потом и выяснилось, кто есть кто...

Санкт-Петербург и маркиз де Шале были знакомы недолго, но этого хватило, чтобы один из них решил, что знакомство стоит продолжить. Ни тоскливый климат, ни норовистая река, дважды покушавшаяся на жизнь столицы, не остановили солнцелюбивого «француза» в желании капитально здесь обосноваться. Его не заставили передумать даже русские привычки, о которых он так много рассуждал. Умея по необходимости быть обаятельным и остроумным, лёгкий в общении и подходчивый в дружбе, он быстро сблизился с высшим светом столицы, рассчитывая не столько на рекомендации князя, сколько на его молчание. Наводнения, туманы, сырость – всё это померкло в блеске заманчивых планов... Непредсказуемый французский аристократ Поль де Моро маркиз де Шале! Шаловливое дитя, обласканное светскими дамами, очаровательный картёжник, купивший своими проигрышами добрую половину весьма полезных ему приятелей. Недавно он переехал в новый особняк, стоивший очень дорого, но не дороже, чем желание иметь всё лучшее и принимать гостей с завидной роскошью. Когда бы ещё и жена оценила все его старания, он был бы окончательно счастливым человеком... но жена маркиза де Шале – это история со своими шипами, которые пока что ему никак не удавалось обломать.

Артемьев подошёл к шкафу и достал оттуда старенький кошелёк, расшитый бисером.

– Помнишь? – и бросил его в руки маркиза.

Шале, покрутив кошелёк, заглянул вовнутрь.

– Жоржи, несмотря на драку я вернул тебе его тогда в целостности и сохранности.

– Вернул пустым.

– Не ожидал, что ты такой мелочный и будешь напоминать мне об этом всю жизнь.

В глазах князя мелькнула насмешка. Шале, заметив это, снова улыбнулся.

– И не знал, Жоржи, что ты такой сентиментальный – хранить столько лет старую вещицу, – он умилённо поднял брови и сунул кошелёк в свой карман.

– Мою вещицу, – уточнил Артемьев, протянув к нему руку ладонью вверх.

– Ах да! – Шале отдал кошелёк.

– Его вышивала моя мать, и хранил не я, а Стеглов... пока не женился.

Маркиз понимающе закивал и снова вернулся к беспокоившей его теме.

– Остерегайся улыбок Бенкендорфа, а не лая Топорина, – предупредил Артемьев.

– К генералу у меня особый подход, а вот к этому бумажному червю... – плечи маркиза поднялись вверх и там застыли на несколько мгновений, он задумался. Князь успел пройтись к окну и выглянуть во двор. – Неужели этот тип ведёт безукоризненный образ жизни? Жоржи, что у нас есть против него? – Шале тоже поднялся и подошёл к окну.

– У нас?

– А откуда Радневский знает Топорина?

– Они состязаются за зелёным сукном.

– А не ослышался ли я, когда граф говорил про его жену?

– Сплетни про её девичество?

– Нет, о её участии в судьбе Ильина.

– Подслушивание не делает тебе чести.

– О, какая честь пострадает от нескольких невзначай услышанных слов, когда ей грозят куда более серьёзные неприятности! – отмахнулся Шале. Его настроение вернулось в привычный диапазон, и спасительные идеи стали атаковать его мозг. – Была бы чудесная сенсация про связь четы Топориных с государственным преступником... А что? В конце концов, можно пустить газетную утку, не затрагивая Ильина.

В этот момент в дверь кабинета постучали. На отклик князя на пороге появилась тучная женщина в белом накрахмаленном чепце, из-под которого выбились седые пряди волос. В её руках пищал крошечный котёнок.

– Вот, ваша милость, глядите! – отдышка мешала женщине высказаться в полной мере.

– Не сейчас, Агриппина. Обратись к мадемуазель Жаклин.

– Говорю же вам, ваша светлость, она ничего знать не желает.

– Кто?

– Софья Георгиевна.

– Я поговорю с ней.

Артемьев отошёл от окна. Нянька, поняв, что получит сейчас не на пряники, вынесла свои недовольные массы за пределы кабинета.

– Что, Софи шалит?

Князь неопределённо кивнул.

– Купи ей обезьяну.

– Обезьяну?

– Я советую, полагаясь на опыт одной парижанки, которая отчаялась научить свою воспитанницу хорошим манерам, пока не купили шимпанзе и не сказали ребёнку, что он будет ответственен за манеры обезьяны.

– И помогло?

– Обезьяне – нет, ребёнку – да, – Шале, заложив руки за голову, потянулся. – Эх, Жоржи, где была наша с тобой обезьяна!

И рассмеялся.

Глава III Масленица

Босая весна подходила всё ближе, а суетливая старушка ещё мела по дорогам осколки, в городе мелькали обрывки последней вьюги. Но госпоже Прохановой стало плохо от другой непогоды: приезд племянницы был хуже всяких вьюг. Любовь Васильевна и под дверью стояла, и на блины в столовую звала – не помогало. Кузины уединились и болтали без умолку. О чём именно, через закрытую дверь расслышать было трудно, вот и лезли в материнскую голову подозрения, вот и сжимало всё в груди не проходящее беспокойство.

Любовь Васильевна прошла по дому, заглянула на кухню. Прасковья пекла блины.

– Румяней делай, с корочкой, – велела она девушке, ловко справлявшейся с тяжёлой сковородой. – Масла не жалея, – и продолжила обход, неся в душе никак не унимавшуюся тревогу.

Маша, средняя дочь Любви Васильевны, не была красавицей, да и приданое за неё обещалось не слишком заманчивое, зато Маша была родной сестрой той самой Элен, которая пренебрегла ухаживаниями графа Радневского. Поэтому внимание его сиятельства к Маше при перечисленных выше фактах соотносилось с явлением уникальным. Госпожа Проханова, будучи заботливой матерью, не желала задумываться над причиной такой уникальности. Она поощряла всякое движение графа в сторону Мари и проводила воспитательную работу с домочадцами, стараясь направить события в нужные двери. Любовь Васильевна не могла не заметить при этом отношения к происходящему самой Маши и не без оснований боялась всякого влияния со стороны, которое могло бы повлечь за собой ещё один отказ графу. Мысль о том, что племянница пристроена за состоятельным и уважаемым человеком, каким она считала Топорина, никак не позволяла ей смириться с выбором Элен. Несчастной матери оставалось надеяться, что хоть Мари порадует её удачным замужеством.

В коридор вышел Денис, что-то мурлыча в светлые, лихо закрученные усы. Остановившись перед матерью, он обыденно чмокнул её в щеку.

– Вот уж не подобает тебе так вести себя со мной. Был бы жив отец, он бы тебя не баловал, – проворчала она, окидывая строгим оком его гусарский мундир. – Не «маловат» ли? Блинчиков бы поел, пост скоро.

– Непременно, душа моя, наемся впрок.

Любовь Васильевна притянула за чуб голову сына к своим губам и, поцеловав его, слегка оттолкнула.

– Ступай с глаз моих долой, невоспитанный.

– Слушаю-с!.. А не приезжала ли Оленька?

– Она у Маши. Ты пойдёшь к ним, пойдёшь. Чем меньше они будут секретничать, тем спокойней я буду спать. При тебе они не станут говорить о чём попало.

– Неужели мои сестрёнки вступили в тайное общество?

– Тьфу, скажешь такое! – мать чуть не перекрестилась. – Ступай же к ним, говорю. Сама замуж удачно выскочила, а кузинам попереёк становится. Лену отговорила, теперь Маше ум туманит. Ступай же!

– И в самом-то деле, – кивнул Денис, веселясь на глазах матери. – Ещё и Таню чему научит. Без меня им никак нельзя.

Он щелчком смахнул невидимую пылинку с ментика, накинутого на левое плечо, одёрнул и без того безупречно сидевший на нём доломан и поспешил по намеченному курсу. Окрылённый материнским благословением, он застал Машу за вышиванием, а Ольгу за чтением. Тани, самой младшенькой, с ними не было. Кузина читала вслух Шекспира, и когда

Денис заглянул в комнату, Маша отвлеклась от работы, чтобы указать ему на стул. Он молча принял приглашение, но присел не на стул, а рядом с Ольгой на диван.

– Добрый день, Ольга Ильинична, – прошептал гусар.

– Добрый, Денис Алексеевич. Я рада, что вас тянет к творчеству Шекспира, но вы заслонили мне свет, – заметила гостья, поднимая на него глаза.

Ясные, часто насмешливые, они и сейчас смотрели на него весело, и казались абсолютно голубыми – то ли так падал свет, то ли сыграло роль васильковое платье, в котором была кузина. Денис улыбнулся и сел с другой стороны.

Опять зазвучал Ольгин голос:

– «Я в жизни к возраженьям не привык.
Позвольте повторить вам с новой силой:
При появлении моём на свет
Пылало небо, с гор сбегали козы,
Ревели в исступлении стада.
Всё это были знаменья особой
Заранее отмеченной судьбы...»⁵

Маша оставила вышивание и пристально посмотрела на брата. Денис встретил её недовольный взгляд. До чего похожа на мать! Даже привычка поджимать правый уголок губ унаследовалась ею от Любови Васильевны, от отца достались только ямочки на щеках, которые девушка любила при случае продемонстрировать... Глядя на брата, Маша продолжала молчать. А он продолжал сидеть рядом с Ольгой и уже разглядывал руки, державшие томик Шекспира. Неожиданно Ольга смолкла.

– Дорогие мои, Шекспиру, конечно, всё равно, слушают ли его в данный момент в этой комнате, но, может, вы освободите меня от ненужных стараний?

– Отчего же, я слушал с превеликим удовольствием, – возразил Денис, тайком глянув на Машу.

Сестра взялась за иглу, но тут её рука дрогнула, и остриё стальной помощницы вошло в палец, не защищенный напёрстком. Вскрикнув, Маша быстро слизнула капельку крови.

– Всё суета, – вздохнул понятливый гусар. – Сходи-ка ты к матушке, сестричка. Она хотела с тобой поговорить... наверное, есть о чём.

Маша резко отложила пяльцы и встала.

– Ну знаешь...

Денис тоже поднялся и с учтивым поклоном отворил ей дверь. Она вышла, предварительно смерив брата неописуемым взглядом.

– Вот характер! – возвращаясь к Ольге, пожаловался он. – Вернётся от матери – мне несдобровать.

– Значит, есть тому причина.

– Голову мне снесёт, – придвигаясь к кухне и заглядывая в книгу, уточнил Денис.

– Другая не вырастет, – прохладно улыбнулась она, отстраняясь от гусара-книголюба.

– Вы сердитесь?

Ольга захлопнула книгу и, облокотившись о диванные подушки, повернулась к нему – хрупкая, русоволосая, милая, а взгляд холодный и острый, как клинок его гусарской сабли. Сейчас она ответит ему. Её губы дрогнули, сочные, восхитительные губы, начертанные Амуром явно не для того, чтобы ими язвили... С них не успела слететь уже обдуманная колкость – дерзкий гусар впился в них глубоким поцелуем. Ольга на какой-то миг оцепенела. Денис

⁵ Вильям Шекспир. Король Генрих IV.

крепко держал её, придавив своим телом, и боялся отпустить. Боялся, не зная, что предпримет она, когда придёт в себя от его выходки. Он чувствовал её нараставшее сопротивление, и боролся с ним, пока она его больно не укусила. Денис отпрянул.

– Это жестоко.

Звонкая пощёчина классически завершила сцену.

– Чёрт возьми, я всего лишь вас поцеловал! – дыхание штурмовало его грудную клетку.

– Всего лишь! – она унеслась в другой конец комнаты и уже оттуда вела дальнейшую оборону. – Чем я вызвала подобную наглость с вашей стороны?!

– Вы называете мой порыв наглостью?

– Думала вам польстить, назвав наглостью такую глупость, – её оборона перешла в нападение. Денис покраснел и приложил руку к щеке, горевшей не столько от удара, сколько от стыда. Она усмехнулась: – Больно?

Он посмотрел в её лицо. Даже из приличия там не изобразилось ничего, что могло бы напомнить сочувствие. Глаза, недавно такие ясные, теперь потемнели, и в них появилось больше свинца, чем небесной лазури.

– Вы не справедливы ко мне, Ольга Ильинична.

– Не думаю, – сказала она и, выдержав паузу, добила его: – Зато я теперь знаю, о чём могут спорить гусары.

Денис почувствовал себя так, точно его нагишом втолкнули в девичью.

В дверях стояла Маша.

– Хороша сестрёнка! – бросил он ей и почти бегом устремился прочь.

Кузины прыснули со смеху.

* * *

Праздничные гулянья на островах были в самом разгаре. Погода наладилась, и мало кто мог усидеть дома. Ребяшня кружила вокруг подождённого чучела, богатые горожане устроили состязание на тройках. Из саней неслись крики, часто заглушаемые взрывами хохота, с горок слетали санки. Молодёжь завязала игры в снежки на развалинах снежной крепости, но вскоре вовлечёнными в весёлый бой оказались и особы куда более почтительного возраста. Ребяческий азарт закрыл глаза на седину. Зиму хоть и настойчиво провожали, да преимуществами её пользовались с воодушевлением.

Ольга стояла одна, ища глазами мужа в пёстрой шумной толпе. Накануне ей пришлось уговаривать его приехать сюда, а теперь он покинул её, пропав вместе с графом Радневским. Маши тоже не было видно. Незнакомые лица и маски быстро сменялись перед ней. Казалось, она была единственной, кто не знал, чем занять себя и куда податься. Кто-то задел её, спасаясь бегством от атакующих преследователей, а ещё через миг её забросали снежками... Она струшивала с себя снег, когда к ней подбежала Маша и, запыхавшись, сбивчиво начала говорить про горки, санки и про поручика, с которым они, перевернувшись, упали в сугроб у графа на глазах. Не успела Ольга спросить про мужа, как увидела его, направляющегося к ним. Коренастый, всегда строго опрятный, он и теперь выделялся среди других. Лицо Топорина, уже начавшее обживаться заметными морщинами, не выражало ничего такого, что могло бы подсказать суть его настроения, но по бодрой походке можно было предполагать, что праздник для Ольги ещё не окончен.

– Я чуть было не потерял вас, Оленька, – сказал он, оглядываясь по сторонам. – Прекрасно, прекрасно... А где граф?

– Вы же уходили с ним.

– Фёдор Александрович должен был познакомить меня с одним человеком, очень нужным человеком. Но, кажется, князь так и не соизволил здесь появиться.

– Какой князь? – заинтересовалась Маша. – Мне граф тоже про князя говорил...

Топорин посмотрел на девушку, которая имела все шансы стать графиней Радневской, и вежливо улыбнулся, но распространяться о нужном ему князе всё же не захотел.

– Здесь столько людей, что кто угодно может затеряться, – уклончиво сказал он и тут же обратился к жене: – А вам следовало...

– Взгляните, как веселится детвора! – Маша перебила Топорина, угадав его намерения.

Супруги повернулись за её жестом.

– Мы могли бы взять с собой и Соню, – тихо сказала Ольга мужу, глядя на шумную стайку ребятшек.

Он, притянув её к себе, ещё тише ответил:

– Если вы мою дочь в парке умудрились потерять, то как я мог позволить вам взять ребёнка сюда?

Ольга посмотрела на мужа. В который раз он заставлял её испытывать чувство вины... Если бы Топорин знал, как была несносна его требовательность к другим и удивительное постоянство в осуждении тех, кто хоть раз оступился. Увы, человеку легче обнаруживать и держать на ладони чужие недостатки, чем пересматривать свою добродетель.

– Ах, до чего же весело! – не унималась Маша, просовывая свою руку под локоть Романа Степановича и заглядывая в его лицо. – Граф, наверное, вас тоже ищет... О, смотрите, Ольшанского с Таней спустили на санках с самой высокой горки... Идёмте же к ним!

Ей нельзя было отказать. Глаза Маши горели, словно фонарики, и вся она дрожала от нетерпения оказаться в гуще событий. Но на полпути к цели они втроём попали в настоящий бой. Попытка Романа Степановича возмутиться отозвалась только шквалом снежков и задорных криков. Маша взвизгнула и, заслонив руками голову, побежала вперёд, ничего не видя перед собой. Топорин устремился за ней, решив, что это самый верный способ обезопасить себя. Ольга оглянулась. Кто-то выскочил из укрытия и, не спрашивая согласия, потянул её за собой.

Стены крепости достаточно пострадали от боёв, поэтому, чтобы чувствовать себя защищённым, нужно было присесть на корточки, как это сделал мужчина, всё ещё не выпустивший Ольгину руку из своей.

– Да пригнитесь же вы, мадам!

Она присела и с интересом посмотрела на своего то ли спасителя, то ли завоевателя. Незнакомец отпустил её и с головой укутался в плащ, оставив снаружи только лицо.

– Стоило ли рисковать жизнью ради женщины, когда я не могу рассчитывать даже на слово благодарности, – насупился он.

– О, простите, – улыбнулась она. – И кому же я обязана своим спасением?

– Мне, мадам. Зовите меня Полем.

– Вы француз?

– Храбрый француз.

– И ворчливый.

Он сердито посмотрел на неё.

– Я здесь скоро совсем окоченею.

– Конечно, мсье. Вы одеты не по погоде.

– Я не предполагал, что застряну в этом... – вместо того, чтобы закончить фразу, мужчина стал тереть свои щёки и нос.

– Это всего-навсего игра.

– Хороши же у вас игры! Мне снежком, твёрдым, как камень, едва не разбили голову. Моя шляпа, совсем новая, осталась по ту сторону защитного ограждения, и я боюсь представить, во что она превратилась. Я потерял своего знакомого, который наверняка где-то ищет меня...

– Тогда что вам мешает выбраться отсюда?

В ответ он издал только звук, похожий на рычание.

– Эй, вы! Держите оборону! – раздался рядом озорной крик.

Ольга, приподнявшись, выглянула из укрытия и тут же снова спряталась. Какое– то время они сидели молча, мужчина тайком наблюдал за ней. Сняв рукавицу, она взяла горсть снега и стала разминать его в пальцах, словно познавала на ощупь нечто новое. Она смотрела, как белая холодная масса тает в её горячей руке, и капельки талой воды неторопливо скатываются вниз. Затем, стряхнув остатки снега, приложила мокрую руку ко лбу.

– Вам жарко? – не вытерпел француз. – Я бы попросил вас, мадам, согреть меня, но, боюсь, вы неверно истолкуете мою просьбу.

– Я бы ответила вам, что это непозволительная дерзость с вашей стороны, но молчу, ибо вы меня ни о чём не просили.

Он развернулся и приблизился к ней так, что аромат его парфюма коснулся её подсознания.

– Между дерзостью и недерзостью есть тонкое различие, настолько тонкое, что, вспоминая случившееся, мы уже не можем с уверенностью его определить, – прошептал он, хотя рядом никого не было.

Ольга не без удовольствия отметила, что ей нравится его запах, как впрочем, нравилось в нём всё, даже его дурное настроение. Он сидел совсем близко и смотрел в её глаза, продолжая что-то тихо говорить. А она, не вникая в содержание его слов, просто слушала, как журчит ручей его слов среди снежных развалин наспех выстроенной кем-то крепости... Где-то продолжалось веселье. Топорин не возвращался за Ольгой, да она и не хотела, чтобы он её находил. Новый знакомый притих, словно вслушиваясь в своё молчание, очевидно, мало свойственное ему. В этот момент их уединение было варварски нарушено.

– Это маскарад или нас берут в плен? – поинтересовался француз, заметив двух гусаров, подбирившихся к ним.

Она посмотрела по направлению его взгляда и улыбнулась.

– Ни то, ни другое. Это ваше спасение, мсье.

– Впервые меня спасает кавалерия. А лошади в засаде?

Гусары подозрительно посмотрели на закутанного в плащ мужчину, сидевшего рядом с Ольгой.

– Мари прислала нас за вами, дав нам шанс искупить свою вину, – отрапортовал Ольшанский и на всякий случай прикрылся своей козырной улыбкой.

Видя, что в стоявших рядом людей не летят снежки, француз поднялся и, пока Ольга раздумывала, соглашаться ли на мирные переговоры с кавалерией, протянул ей руку. В дорожную лайковую перчатку легла простенькая варежка.

– Обороняться смысла нет, – с особенным оттенком произнёс он.

– До тех пор, пока не возобновится наступление, – в тон ему ответила она.

Гусары не услышали ничего необычного.

– Господа, не стоит меня провожать... Мадам, – француз галантно поклонился.

Он неторопливо обогнул укрепление, отыскал в снегу свой изувеченный цилиндр и, помахав им в воздухе, пошёл в сторону палаток с угощениями.

– Кто это был? – спросил Денис.

Она пожала плечами.

– Погода нынче замечательная, – сказал Ольшанский, тайком подмигивая другу. – Позвольте, Ольга Ильинична, проводить вас к горкам.

– Ну, это я смогу вам позволить, поручик.

Денис молча пошёл за ними.

Не дойдя до горок, они встретили Машу.

– Ах, поручик, я вас заждалась, – обратилась девушка к Ольшанскому шутливо-строгим тоном. – Вы идёте со мной?

Офицер развёл руками, обратив на Ольгу молящий взгляд.

– Разве вы не слышите, поручик? – подхлестнула его Ольга. – Не теряйтесь, а то Маша передумает.

Маша и в самом деле уже смотрела в другую сторону. Она заметила направлявшегося к ним графа Радневского. Подойдя, граф остановился как раз между нею и своим соперником, но так, чтобы не нажить себе небезопасные хлопоты. Девушка заулыбалась, и чудесные ямочки заиграли на её раскрасневшихся щеках. С Ольшанского спала весёлость: улыбка предназначалась другому.

– Прелестная погода, – сообщил Радневский, закладывая руки за спину.

Маша опустила глаза. Из-под её ресниц выпрыгивали чёртики.

– Погода как раз для прогулок, – добавил Денис, разбавляя неловкое молчание.

– Да-а...

– Фёдор Александрович, а я искала вас.

– Вы? – Радневский нехотя перевёл взгляд на Ольгу.

– Я хотела поговорить с вами.

Граф не был расположен к беседе с Ольгой, но, помня, сколько проиграл ему на днях Роман Степанович, отказать его жене не смог. Они отошли в сторону.

– Я просила вас узнать о...

– Я помню, помню, – нетерпеливо перебил он её. – Ничего пока не знаю, – Фёдор Александрович покосился туда, где оставил Мари. Денис почти сразу ушёл, и девушка теперь стояла одна рядом с бесстыжим поручиком.

– И все же, граф...

– А вам то что, Ольга Ильинична? – проникаясь подозрением, не вытерпел он и оторвался от наблюдений за Машей.

Жена Романа Степановича ответила довольно просто:

– Господин Ильин бывал у нас в гостях, в Москве. Я знаю его как человека глубоко порядочного, и ничто не разубедит меня в том.

– В Москве? – граф в очередной раз понял больше, чем ему было сказано.

– Да, в Москве. А что в этом удивительного? Это друг моего дяди, – уточнила Ольга. – И надеюсь, моя просьба не даст повода для всяких толков.

Радневский сконфуженно поморщился. Он обещал молчать об этой просьбе, взяв с Ольги слово, что она не станет настраивать против него Мари...

– Фёдор Александрович! – они оглянулись на звонкий зов Маши. – Фёдор Александрович, вас искала моя маменька. Она ждёт во-он под теми берёзами, – приблизившись, сказала девушка и многозначительно улыбнулась графу.

– Спешу, Мария Алексеевна, спешу к вашей маменьке.

Радневский был счастлив покинуть общество Ольги, тем более по такому поводу. Он наспех откланялся и довольно проворно для своего грузного тела стал удаляться от них.

– Я не ослышалась? А куда исчез Ольшанский?

В Машиных глазах стало холодней, чем на улице.

– Прошу тебя, Оля, никогда больше в моём присутствии не говори об этом... – она запнулась, подбирая словцо покрепче.

– Кажется, граф не дойдет до твоей матери, – заметила Ольга без огорчения. – Его уже кто-то остановил.

– Зато мою маму никто не остановит, – Машина злость готова была прорваться сквозь заслон холода горячими слезами.

– А как же поручик? Зачем Ольшанского столько за нос водила?

– Поделом ему. Мы поссорились с поручиком навсегда!

– И это в прощенное воскресенье.

Уловив насмешку в голосе кузины, Маша сощурилась:

– А чем не жених граф Радневский?

– Ты его не любишь.

– А ты любила Топорина, когда шла за него?

– Я не шла – меня отдали, – отсекала Ольга и вдруг с чувством добавила: – Если б я могла хоть что-то изменить... не тогда – так теперь!

Маша кусала губы – граф, очевидно, забыл, куда направлялся. Какой-то господин перехватил Фёдора Александровича и не давал ему достигнуть берёз, под которыми нервничала Любовь Васильевна.

– Маму, небось, трясёт, как в лихорадке... В наше время удачный брак для женщины – всё равно что карьера при дворе для мужчины, – Маша поморщила нос и тут же воскликнула: – О, я знаю этого человека! Это же маркиз де Шале!

– Маркиз де Шале? – переспросила Ольга, вглядываясь в мужчину, нарушившего Машины планы. – С такого расстояния для меня что маркиз, что царь.

– Что ты! Разве можно маркиза спутать с кем-либо! При случае непременно вас познакомлю, он очаровательный кавалер.

– По-моему, тебе надо замуж не за графа.

– Маркиз женат. Фёдор Александрович говорил, что в этой французской семье царит полная идиллия. Маркиз вообще удивительный человек. Рядом с ним любая женщина чувствует себя единственной, и между тем ни один муж не чувствует себя оскорблённым.

– Это тебе тоже Фёдор Александрович говорил? – не сдержалась Ольга.

– Они идут сюда! Оля, они идут к нам.

Маша взволновалась. Её лицо, и без того румяное, залилось краской смущения, а глаза заблестели, готовые к атаке. Стыд и азарт в её кокетстве сплелись в одну петлю, которая ожидала подходящую мужскую шею. Ольга тоже изменилась в лице.

– Милые дамы, – натянуто улыбнулся граф, – мой друг, маркиз де Шале, уговорил меня вернуться, чтобы я представил его Ольге Ильиничне.

Маша потерянно посмотрела на кузину.

– Значит, вы и есть маркиз де Шале? – усмехнулась Ольга.

– А вы уже слышаны обо мне, мадам? Надеюсь, мадемуазель Мари говорила вам про меня только хорошее, – француз заулыбался и мельком взглянул на Машу.

Радневский странно смотрел на Ольгу. Зная о весьма капризном вкусе де Шале, особенно относительно женщин, он не мог понять, что вдруг изменилось.

– Какое счастье, что я не потерял вас из виду, мадам, – добавил маркиз, глядя в глаза Ольги. – В минуте вся жизнь!

Маша и Радневский переглянулись.

Глава IV Эх, Мишель...

Ильин шёл по пустынной набережной, считая шаги. Он считал их целое утро, боясь остановить спасительный счёт. Не было другого способа избавиться от мыслей, бившихся в его висках маленькими частыми молоточками. Тронуться умом не входило в расчёты географа, привыкшего расходовать свои способности более рационально. За последние месяцы это было первое утро, которое он видел собственными глазами. Находясь в камере, где кроме крыс не было компаньонов, Ильин не знал, когда восходит и садится солнце, одиночество и мимо текущее время мало отличали его сон от бодрствования... Но освобождение пришло неожиданно, оно ничем не объяснялось, как и само заключение в тюрьму. Михаил Иванович подписал бумагу о том, что обязуется не покидать пределы столицы до специального уведомления. Некий генерал, не соизволивший представиться, посоветовал ему ни с кем не обсуждать своё задержание и пообещал хлопотать за него во избежание дальнейших неприятностей. Ничего не понимая, Ильин на всё согласился.

Весна не была одинаковой для всех. Михаил Иванович поднял лицо к облакам, размазанным по высокой лазури, и долго смотрел на них, наконец прекратив свой счёт. Потом, поднявшись на небольшой мост, стягивавший корсет Зимней канавки, он прислонился к холодным камням. Когда-то он катался здесь на лодке со Стегловым и его воспитанником, то были чудесные времена, то была его молодость. Он вдруг почувствовал себя немощным и старым, не способным защититься от обстоятельств, которые могли вдруг выхватить его из привычной жизни и швырнуть в тюремный подвал, отняв свободу, любимое дело и едва не самую надежду... Всё таяло. Рыхлый снег оседал под потеплевшими лучами, уже местами стояли грязные лужи, и только лёд на реке был всё таким же слепяще-чистым. Отстранившись от парапета, Ильин закашлялся.

Дома он долго отмывался от казематной грязи, стараясь заодно смыть с себя и неприятные ощущения, хотелось скорей забыть последнее злоключение, вернуться в привычную жизнь. Рвануть бы в Альпы... но в Альпы было нельзя. Поразмыслив, он направился к Стеглову, точнее, к Стегловым – Михаил Иванович ещё не привык к мысли, что его друг оборвал холостяцкую песню, упорно тянущуюся столько лет.

Пётр Петрович прослезился, обнимая вошедшего друга. Такая встреча!

– Глазам своим не верю... Миша, ты свободен! А мы-то... Леночка, душа моя, вели Глаше накрывать на стол.

Молодая жена Стеглова была и впрямь красавицей – настоящей, без золотого напыления, очаровывавшая естественной красотой и грацией, способной пробудить душу поэта, художника, музыканта. Ильин обвёл взглядом некогда холостяцкое жилище – теперь здесь было непривычно уютно. Никаких покушений на излишества и роскошь, но всюду чувствовалась заботливая женская рука и хороший вкус.

– Да что вы суетитесь, дорогие мои, – смущённо пробормотал он, присаживаясь так, чтобы не мешать домработнице, замелькавшей с приборами в руках.

– Лена любит гостей, да они редко у нас бывают... Хорошо, что ты к нам заглянул!

Стеглова распирало от радостных чувств. Время прошлось сединой по его волосам, но глаза смотрели всё так же молодо, задорно. И толстеть Пётр Петрович не собирался – такого не откормишь ни кашами, ни пирогами. Невыгодный муж щепетильной жене... Посидев за столом для приличия, Елена не задержалась с мужчинами. Она ушла, и с её уходом комната

обрела обыденность. Пётр Петрович какое-то время заморожено смотрел на дверь, скрывшую от его глаз любимую женщину. Затем повернулся к Ильину и, подмигнув, спросил:

– Ну что?

Михаил Иванович пожал плечами.

– Ты на свободе – вот что главное.

– Свобода – это когда ничто не держит тебя на привязи.

– Андрей вчера у меня был, спрашивал, что да как, а я и сам не знал ничего. И вот он ты – живой, глаза блестят... руки чешутся уже за что-нибудь взяться. А? – Стеглов хлопнул друга по плечу. – Должно быть, времени хватило настроить планов на двести лет вперёд. Или этак на триста?

Ильин невесело усмехнулся:

– Не руки чешутся, а ноги. Я бы рванул куда подальше на месяц-другой, чтобы стряхнуть где-нибудь с себя всю казематную плесень.

– Надо было рвануть, куда подальше, когда Андрей тебя предупреждал. Ну да ладно, что теперь говорить. Не проверишь – не поверишь.

– Да я ни о чём не жалею.

Пётр Петрович переключился на расспросы о заграничном путешествии Ильина, о его научных трудах, а сам говорил про жену, вспоминал студенческие годы – словом, всячески старался вернуть друга в светлую грань его жизни. Затронув же тему ареста Ильина, он наткнулся на упорное нежелание говорить об этом, зато Михаил Иванович озадачил его неожиданной просьбой устроить встречу с Ольгой.

– Ты спятил, Миша! Да ты подумай, как я могу устроить вам встречу, когда Топорин с неё глаз не спускает. В их дом я не вхож, у нас она не появляется, а у Прохановых Ольга если и бывает без мужа, так Любаша Васильевна там за жандарма безо всякого оклада. Да ещё, наверное, за тобой тайная слежка установлена.

– Нужно мне её увидеть. Помогите.

* * *

В жизнь Топориных влились перемены с весенними ручьями. Как-то Роман Степанович вернулся домой сам не свой и рассказал, что колёса его экипажа едва не переехали неосторожную даму, которой оказалась маркиза де Шале. Спустя день-другой он навестил бедняжку, чтобы удостовериться в её хорошем самочувствии, а ещё через несколько дней она пригласила Романа Степановича и Ольгу на обед. Топорин сначала подозревал, потом сомневался, но наконец решил, что от одного обеда в компании Шале вреда ему не будет. Двигало ли Романом Степановичем чувство вины, или же дала о себе знать симпатия к пострадавшей красавице – сказать было трудно, но приглашение он всё-таки принял.

Обед прошёл в обстановке, располагающей к хорошему аппетиту. Маркиза была не только обворожительной женщиной, но и внимательной хозяйкой, успевающей так отрекомендовать вовремя очередное блюдо, что под конец трапезы Топорин еле встал из-за стола. А маркиз оказался не таким уж и неприятным, как думалось Роману Степановичу всё время. Француз не скупился на безобидные шутки, анекдоты и всякие увлекательные истории. Особенно увлекательной была история о том, как маркиз учился играть в карты и проиграл сумму, которую не мог озвучить при жене. Человек, столько проигрывающий и не отчаивающийся при этом, не мог оставить равнодушным того, кто лелеял мечту поправить своё благосостояние за счёт невезения других. Роман Степанович лишь под конец обеда заметил, что настроение Ольги тоже улучшилось. Вряд ли её развеселили разговоры о картах, но глаза её блестели...

Дружеские жесты со стороны Шале обедом не окончились. Вскоре Топорины были приглашены на бал, дававшийся маркизом по поводу выздоровления жены. Приготовления к балу, где должна была собраться столичная знать, для Ольги свелись к минимуму: нового платья муж не обещал, а потому она взялась обновить одно из любимых – бледно-голубое, из тафты, купленное полгода назад...

В её счастливое состояние не могло втиснуться никакое другое чувство. И только приближаясь уже к особняку де Шале, подъезд к которому был закупорен множеством экипажей, она почувствовала, как радость и самообладание предательски отступают. Кареты с мало что говорившими ей гербами, породистые лошади, наглые лакеи – всё это составило ряд серьёзных препон к дверям, вбирающим в себя гостей, которые успели оказаться там раньше других. Попав, наконец, в гостеприимный дом, Топорины нырнули в волну безудержного блеска. Такой роскоши Ольга не видела никогда. Анфилада парадных залов собрала в себе столько мрамора, хрусталя, золота, картин, статуй и статуэток, что глаза разбегались, не успевая оценить то, что им предлагалось. Коллекции старинного и современного оружия, тончайшего фарфора, редких музыкальных инструментов, персидские ковры – всё это уживалось в арабских, итальянских, египетских и прочих залах, казавшихся огромными пёстрыми бусинами, натянутыми на невидимую нить. По праздничным залам шествовали важные дамы в сопровождении не менее важных кавалеров, летела парами и стайками возбуждённая молодёжь, мелькали выдрессированные лакеи. Парадные ливреи, мундиры и фраки перемешались с шёлком модных пышных платьев, всё более открывавших женские плечи и ножки. Ольга невольно подумала о том, что длина её собственного платья уже устарела, но будь оно современной, пришлось бы Роману Степановичу покупать ей новую обувь, а новая обувь могла оказаться не столь удобной, и как неприятно было бы растереть себе ноги на первом же балу. И плечи настолько оголять она не привыкла, и корсет не хотела туже затягивать, превращая его в орудие длительной пытки. А потому даже порадовалась, что муж посоветовал ей заглянуть в свой гардероб, а не в модный салон...

Шале встретил Топориных с неподражаемым воодушевлением, и, предоставив Романа Степановича вниманию маркизы, заговорился так с его женой, что и сам не заметил, как увел её в другой конец зала. Луизе не оставалось ничего, как принять его игру. Она понимала, что Поль не простил ей холодной встречи после долгой разлуки, и знала, что ему всё ещё хочется побольней её уколоть. Будучи замужем за человеком, тянувшим на себя элитное признание, Луиза появлялась с ним всегда ослепительной спутницей. Она носила свои точёные формы с достоинством, природа которого не вызывала сомнения; роняла слова и улыбки в протянутые ладони и сеяла в головах противоречивые мысли. Но, избегая сентиментальных историй, маркиза целенаправленно поддерживала связи, укреплявшие её положение при дворе независимо от положения мужа, а потому даже в его отсутствие нужным гостям в приёме не отказывала...

В тот день Александр Христофорович Бенкендорф пришёл без приглашения и без предупреждения. Несколько обеспокоенная, маркиза задержалась у себя. Она выправила из причёски тонкий завиток тёмных волос, и, заманчиво опустив его на белую шею, улыбнулась своему отражению в огромном зеркале. Не став надевать другое платье, она так и направилась к гостю в домашнем, из пунцового бархата, с глубоким вырезом и запахнутом ровно настолько, насколько могли ужиться приличие и соблазн. Бенкендорф ожидал хозяйку в малой гостиной. Подтянув живот, заправленный в новый мундир, он подался навстречу вошедшей маркизе.

– Доброе утро, дорогой Александр Христофорович, – она протянула ему руку, не сводя с него глаз. – Радость моя от встречи с вами граничит с тревогой, какую, надеюсь, вы уймёте, объяснив этот ранний визит.

– Доброе утро, мадам, – улыбнулся он. – Не настолько уж и ранний. Государь поднимается в семь, а в девять начинает приём. Ваше утро начинается гораздо позже.

Луиза в который раз подумала, что не зря отказалась учить русский язык – в приличном обществе ей вполне хватало французского.

– Сегодня на улице ужасно холодно, – заметил гость, потирая раскрасневшиеся от мороза щёки. – Скорее бы весна!

Поняв, что генерал тянет с разъяснением, она присела и предложила ему сесть напротив. Замёрзшему гостю нельзя не предложить чашечку чая, особенно гостю, от которого она ждала определённых действий. Но генерал, согласившись на чай, вместе с тем дал понять, что заехал по делу. Её тонкие чёрные брови взметнулись вверх, придав лицу выражение не столь удивлённое, сколь высокомерное.

– Мадам, я заехал поинтересоваться, не вернулся ли ваш супруг из поездки – уж три дня, как маркиз должен был бы приехать...

Она отвела взгляд в сторону, припоминая их последний разговор.

– Вы говорили, что мой муж вернётся к концу недели, – солгала она, поняв намёк гостя.

– К концу недели? Я так говорил? – он задумался. – Возможно, я ошибся. А то, увидев нынче вас в прекрасном настроении, я чуть было не подумал, что маркиз уже дома.

Его укол поднял маркизу с места. Бенкендорф тоже встал. Он был одним из немногих, кто знал об отсутствии взаимности в отношениях супругов де Шале... Принесли чай. Луиза усадила гостя, и, ухаживая за ним, снова была мила и невозмутима. Ставя перед генералом чашку из дорогого сервиза, она почувствовала, как его колено невзначай коснулось её ноги, но не постыдилась, а повернула к нему лицо, на котором было написано ожидание. Ей не верилось, что такой человек, как он, мог опасаться ревности и мщения маркиза – о боевой славе генерала ходили легенды, а о его слабости к женскому полу нащёптывались анекдоты. Бенкендорф молча следил за Луизой, потом вежливо похвалил чай. Она подсунула ему блюдце с пирожным, и медленно, словно дразнясь, поправила глубокий вырез платья. Взгляд генерала провалился, куда не следовало, и с трудом выкарабкался, чтобы тут же перескочить на детали интерьера, более способствующие сосредоточению мыслей.

– Угощайтесь, дорогой генерал, – улыбнулась она, и вдруг вспомнила: – А ведь сегодня граф Радневский устраивает приём. Князь Артемьев передал мне приглашение, а на словах добавил... Ах, кушайте пирожные, их пекут по особому рецепту, ставшему модным ещё при дворе Франциска I. Таких нигде больше не попробуете.

Бенкендорф смотрел на неё, всем своим видом требуя пояснения.

– Ещё чаю?

– Благодарю, нет.

– Так о чём мы говорили, мсье? – она ощутила свою власть ещё над одним мужчиной. – Я в последнее время стала так забывчива, что не могу сосредоточиться ни на какой мысли. Одиночество просто невыносимо! По вашей милости я пропускаю балы и обеды.

– Все не по моей, мадам, – скупно улыбнулся он. – Я отнюдь не запрещал вам отвечать на приглашения и покорять сердца, флиртовать или же... прочее, что вам пришлось бы по душе.

– Вот именно заботясь о душе и репутации, я и сижу дома. Кроме вас, Александр Христофорович, я почти никого не вижу. Князь Артемьев изредка навещает меня. Но он так занят теперь, у него столько новых обязанностей...

– Вы весьма осведомлены о делах Георгия Павловича. Впрочем, неудивительно – он ведь друг вашей семьи, – цепкий взгляд Бенкендорфа призывал маркизу говорить, но говорила она не то, что он хотел услышать.

– Георгий Павлович больше склонен к дружбе со мной, чем с моим мужем, – Луиза отставила чашку. – Глядя на вас, генерал, и на князя Артемьева, я начинаю понимать,

что военная карьера в России – самая надёжная. Государь, столь любящий военную науку, гораздо охотней приближает к себе офицеров, нежели всяких чиновников и избалованных аристократов.

– Вы беспокоитесь за мужа? Могу уверить вас, мадам, что он нашёл признание при дворе и без эполетов с вензелями императора⁶.

– Не любите вы князя, Александр Христофорович.

– Я не люблю тех, кто делает военную карьеру при дворе.

Бенкендорф умолчал о том, что сам когда-то был удачно пристроен, и в шестнадцать лет в чине поручика стал флигель-адъютантом Павла I. Правда, потом он положил почти одиннадцать лет боевых сражений к стопам своей военной карьеры, но тем не менее и связями при дворе не брезговал.

– Ах, мой генерал, – Луиза многозначительно улыбнулась. – Позволю себе напомнить о вашем обещании...

– Нет надобности напоминать. Смею заверить вас, что я не забываю своих обещаний.

– Неужели царь так занят? Или же заняты все места вокруг него – всюду и всегда? Я ведь прошу о такой малости.

Бенкендорф ухмыльнулся. Луиза, заметив это, стиснула зубы.

– Я понимаю ваше нетерпение, мадам. И всё же не приходит ли вам на ум, что не всякое действие к месту? После того, что произошло в декабре, приходится прилагать гораздо больше усилий к тому, чтобы найти возможность выполнить чью-либо просьбу. Следственный комитет по делам участников восстания перегружен работой. Царь действительно занят, – она молчала. – Ежели вы сомневаетесь во мне и намерены обратиться за помощью к другому лицу, я не стану противиться вашему выбору. Попробуйте попросить о том же, например, Георгия Павловича. Он имеет большое влияние на царя, удачлив и хваток, а главное – будет рад оказать вам услугу, как друг.

– Не каждому другу можно доверить подобную просьбу, – проговорила Луиза, понимая, что Бенкендорф загоняет её в угол.

Он неожиданно наклонился к ней.

– И правильно, дорогая моя. Я – ваш единственный шанс, – жёстко произнёс он.

– Я верю вам, – выдавила она из себя, глядя на его аксельбант, повисший над пустой чашкой.

– Так что вы хотели сказать мне по поводу дружбы маркиза и князя? – генерал снова удобно сел и даже взялся за пирожное.

– Я хотела сказать лишь то, что никогда не наблюдала таковой. Мой муж раздражает князя, а князь вызывает в нём приступы тоски. Им не о чем даже поговорить.

Луиза придвинула к гостю остальные пирожные, и, не спрашивая, долила ему чаю.

– И всё же помогите им подружиться, мадам. Надеюсь, это в ваших силах.

– Артемьев мало пьёт, не играет в азартные игры...

– Играет. Расчётливо и дерзко, но не за зелёным сукном.

Вскоре Бенкендорф ушёл. Проводив его, Луиза испытала облегчение. В этом человеке она чуяла опасность, в его присутствии в ней натягивались тонкие струны, но он мог быть полезен ей больше, чем кто-либо другой... Не став рыться в своих страхах и сомнениях, в качестве утешения она предалась размышлениям о предстоящей встрече с князем Артемьевым. Если бы Артемьев уступил ей, она отказалась бы от поддержки генерала, князь мог стать превосходным партнёром во всех отношениях... мог бы. Но дружба с ним, о какой маркиза взяла на себя смелость сказать Бенкендорфу, была лишь её пикантной ложью...

⁶ Вензель императора на эполетах был главным знаком принадлежности к Свите.

Такой и застал её вернувшийся муж – в нескромном одеянии, проводившей одного мужчину и замечтавшейся о другом.

Если бы петербургский свет не привык воспринимать Шале как шаловливое дитя, подобное внимание к замужней женщине подняло бы весь ил со дна неистощимых воображений. Но жесты и взгляды его были безобидны, к тому же маркиза не проявляла никаких признаков недовольства, и он продолжал кружить вокруг Ольги... Музыка, огни, цветы. Улыбки дам, завязанные бантиками, смешок, то тут, то там набравший обороты смеха – здесь даже в воздух вьелся дух интрижек, и нечто особенное вплеталось в настроение, которое навязывалось каждому, кто не давал ему сознательного отпора... Удивительно, как одним засчитывался каждый промах, а маркизу де Шале всё сходило с рук. Он не уставал всем улыбаться, приветливо кивать, на ходу бросать искусные комплименты, и при этом говорить Ольге всякие колкости про окружавших их людей. Она слушала его не без удовольствия, даже не подозревая, сколько глаз ненавязчиво наблюдает за ними, как, впрочем, не заметила и появления на балу новой пары.

Маркиз ничего не сказал про вошедших, но очень скоро Ольгин взгляд сам устремился к рыжеволосой даме, которая громко смеялась, что-то рассказывая спутнику. Её яркая внешность и раскованные манеры бросалась в глаза даже не слишком внимательным. Новая гостя не обращала внимания на остальных, и смолкала лишь для того, чтобы услышать тихие реплики своего невесёлого кавалера. Мужчина был военным. Тёмные прямые волосы коротко стрижены, смуглое лицо без единого порыва к улыбке. На его статной фигуре великолепно сидел белый однобортный мундир с серебряным шитьём и белой выпушкой, широкие плечи в немом достоинстве несли эполеты с императорскими вензелями, а голова держалась так прямо, что Ольгино воображение невольно примерило к ней корону. Яркая дама опять что-то сказала ему, на этот раз совсем тихо, но, судя по её выражению, сказала нечто ядовито-весёлое, и снова рассмеялась. Мужчина посмотрел по направлению её взгляда, оставаясь всё таким же неулыбчивым, словно попал не на бал, а на похороны. Его дурное настроение никак не увязывалось с атмосферой, царившей в гостеприимном доме Шале, и разительно отличалось от настроения рыжеволосой дамы. Казалось бы, всё в нём должно было оттолкнуть наблюдавшего, но Ольгин взгляд к нему словно приклеился.

– Безобразие, – послышался рядом с Ольгой шёпот дамы, обращавшейся к соседке. – Вскоре князя не примут ни в одном приличном доме, и всё из-за этой вульгарной особы.

– Будет вам, Лизавета Максимовна, – возразила соседка. – Разве вы не понимаете, что к подобному стоит относиться без предубеждений. Сам государь на балу у Воронцовых танцевал с этой женщиной.

– Да что вы говорите? Я про то и не знала... право, как мило. И всё же князю следовало бы пересмотреть свои манеры... и меньше на солнце бывать – нет в нём благородной бледности, а была бы так к лицу!

– Какое солнце, душа моя? У князя то ли бабка, то ли прабабка по отцовской линии родом из Валахии была, – и тише добавила: – Там, небось, и цыганская кровь намешана.

– Вот и я говорю – не те манеры, – подхватила Лизавета Максимовна. – Он не делает никаких усилий, чтобы нравиться порядочным людям.

– Он нравится государю. Разве этого недостаточно? – послышался третий голос, тоже женский, но более молодой.

– Ах, как жаль, что умерла Варвара Александровна – золотая душа была, царствие ей Небесное. Да что в том удивительного? При таком муже и я скончалась бы преждевременно... Двое детей остались без матери!

Ольга посмотрела на маркиза, и он, всё поняв, проводил её в другой зал. Музыка летела с хоров, даря гостям очередную кадрили.

– У мадам Ветлицкой, Лизаветы Максимовны, на выданье три дочери. Вот она и кипит злобой к каждому свободному и обеспеченному мужчине, не стремящемуся ей в зятя, – пояснил Шале. – Вы попали в осиное гнездо, а потому я буду оберегать вас. Неосторожные шаги могут спровоцировать беспощадные укусы. У светских дам, даже самых хорошеньких, не язык, а жало, – добавил он, улыбаясь через её плечо стайке перешёптывающихся прелестниц.

– В последнем я успела убедиться.

– А хотите танцевать?

– Расскажите лучше ещё о своих гостях, у вас это замечательно получается, – предложила Ольга, отворачиваясь от дамы, рассматривавшей её через лорнет так, словно она была вещью, которую надо оценить.

– Тогда смотрите влево, – сказал Шале, не обращая внимания на лорнеты, взгляды, перешёптывания. – Видите двоих мужчин у колонны? Про генерала я вам уже говорил, а рядом стоит граф Пален⁷. Вот уж чья судьба то ли извилиста, то ли изворотлива.

– Пален?

– Да, сын цареубийцы. Блестящий военный и превосходный дипломат, пользующийся благосклонностью сына того самого царя...

К генералу и графу подошёл третий мужчина. Это был князь, только что обсуждаемый дамами.

– А князь? – спросила Ольга.

– Малопривлекательная личность. Его не слишком любят, однако всюду терпят, ибо он всем почему-то нужен. Я единственный человек, который питает к нему самую бескорыстнейшую симпатию.

– ???

– Да, да, – искренне подтвердил Шале. – Мало кто находит удовольствие в общении с этим человеком. Князь имеет привычку ставить людей в ситуации, когда им приходится мобилизовать всю сообразительность, чтобы противостоять его натиску. Кому такое понравится?

– Не хороший – значит, плохой?

Подловив её взгляд, Шале разочаровался.

– О! – поворачивая Ольгу в другую сторону, воскликнул он. – А вот вышла в круг баронесса Фредерикс⁸. Милая Цецилия – лучшая подруга её величества, и жена, делающая карьеру своему мужу.

Но Ольга снова смотрела в сторону князя.

– Ничего привлекательного, – напомнил маркиз, и, пристроив её к компании двух дам, растворился в гуще гостей.

Его исчезновение на этот раз стало особенно ощутимым. Рядом со смолкнувшими дамами Ольга почувствовала собственную незначительность так остро, что тут же захотелось исчезнуть. Отходя в сторону, она услышала за спиной утончённый смешок и что-то по поводу её платья. Ольгу бросило в жар.

– Вы без меня не скучали?

Она посмотрела в весёлые глаза вновь появившегося маркиза.

– Зачем я здесь?

– Как, мадам, вы сожалеете? – он удивился с той искренностью, которая не вызывала сомнения. – Не понимаю вас.

⁷ Граф Пётр Петрович Пален (1778–1864) – сын графа П.А.Палена, одного из убийц Павла I. Сделал блестящую карьеру при Николае I, сыне того самого Павла.

⁸ Баронесса Цецилия Владиславовна Фредерикс (1794–1851) – близкая подруга императрицы Александры Фёдоровны.

– Отлично понимаете, маркиз. Я хочу знать, зачем вы пригласили меня сюда.

– Вас и вашего мужа, – уточнил он.

– Было бы удивительно, если б вам удалось пригласить меня на бал без мужа... храбрый француз.

Шале взял её под локоть и вывел в безлюдную комнату, приговаривая при этом:

– Наше исчезновение всё равно теперь не заметят.

Оказавшись с ним наедине, Ольга поняла, что её настойчивость пошла не тем путём, и сразу же предупредила:

– Мсье, не предпринимайте ничего такого, о чём можно будет сожалеть.

– Вполне своевременное замечание. А я уж было собрался уступить вам.

Она невольно улыбнулась.

– Моё сердце чуть не остановилось, – он приложил руку к груди, и, не дав Ольге сказать ни слова, предложил: – Хотите шампанского? Самый весенний напиток – игристый и радующий, уравнивающий фраки и мундиры.

– Сомневаюсь, что от выпитого мной шампанского ваш дорогой фрак выиграет.

На её иронию Шале не обиделся.

– В минуте вся жизнь, мадам! Иду за шампанским. Обещайте мне, что не сбежите.

– Обещаю, – и еле слышно добавила: – Всё равно некуда.

Шале скрылся за пунцовыми портьерами, а Ольга осмотрелась. Занятая своими мыслями, она не поняла, откуда вдруг в комнате появился мужчина, молча двинувшийся прямо на неё. Это был не Шале, а кто-то пониже ростом, и вряд ли один из гостей, так как на нём была верхняя одежда, никак не подходившая для выезда в свет. Лицо его пряталось в глубокой тени капюшона. Ольга, наверное, закричала бы от подкатившего страха, если бы вошедший не догадался скинуть капюшон.

– Бог мой, это вы, – только и произнесла она, взглядываясь в лицо Ильина.

– Я, – подтвердил он, и, сделав к ней последний шаг, обнял её, как ветерок берёзку, почти не прикасаясь, нежно, трепетно.

Ольга вдруг расплакалась.

– Что же это, Оленька... вы ведь не любительница трогательных сцен, – не ожидая слёз, пробормотал Ильин.

Он так долго готовился к этой встрече, так много думал о предстоящем свидании, собиравшись выслушать упрёки и выдержать презрение... но слёз не ожидал. Женские слёзы были опасней наводнения – ничто не спасёт, если начнёшь в них тонуть.

– Простите. В самом деле, к чему сантименты? – не отрываясь от его плеча, всхлипнула Ольга. – Вы, несомненно, искали меня по какому-нибудь неотложному делу.

Михаил Иванович погладил её по голове, утешая, как ребёнка. Она отстранилась от него. Глаза ещё красные, ресницы слиплись от непросохших слёз, но взгляд уже ясный и сухой, не собирающийся убежать. Такая знакомая Оленька...

– Вас отпустили?

Он кивнул. Обнять бы её крепко, прижать к себе и никуда не отпускать... Но он уже отпустил... навсегда. И всё равно сюда шёл.

– Как вы здесь оказались? – она беспокойно оглянулась на дверь. – Вы рисковали столкнуться только что с человеком, не заинтересованным в безопасности чьей-либо репутации. С минуты на минуту он вернётся.

– Я никогда не отличался осторожностью.

Она не спрашивала больше ни о чём, а он готов был рассказать о многом.

– Вы должны уйти.

Ильин посмотрел на неё с грустью, причина которой уходила корнями в недомолвки прошлого. Так и останется недосказанным то, что не давало ему покоя эти годы. Вся жизнь

в походах и экспедициях, наблюдениях и открытиях. Есть некогда, спать некогда, но мысли всегда находили время коснуться болезненной темы...

Ольга присела на оттоманку, прикрыв наготу волнения довольно зыбким спокойствием. Она понимала, что любое неосторожное слово способно прорвать её защиту – защиту от сомнений и бесполезных сожалений, которые бы уничтожили, разрушили мир, с трудом созданный ею вокруг себя, такой хрупкий и ненадёжный, но всё-таки мир.

– Оленька, – тихо заговорил он, опускаясь перед ней на колени, – простите мне мою нерешительность. Простите малодушие...

Она сдерживалась, чтобы не отвернуться. Резкое слово рвалось с языка. Простить замужество и рождение любимого дитя? Или отвращение и страх, которые душили её в первую брачную ночь? Или разочарование в своём существовании, и серые дни, похожие один на другой? Простить?! Она бы простила... если бы считала его виновным во всём произошедшем.

– Так должно было случиться. Я ни о чём не жалею, – выдавила она из себя, глядя прямо в его глаза. «А даже если бы и жалела, вы никогда не узнали бы об этом!»

– Я отправляюсь в экспедицию, – Ильин взял её руку и нежно поцеловал. – Еду завтра на рассвете... Тайное присутствие недавнего заключённого на балу – это оплеуха собравшемуся здесь обществу. Я хотел бы увидеться с вами при иных обстоятельствах, но когда мне сообщили вчера о моём досрочном отъезде, я уже не выбирал. Всё решилось очень неожиданно...

За портьерами произошло движение, и раздался громкий чих. Ильин поспешно поднялся. Ольга выбежала навстречу маркизу, замешкавшемуся в дверях.

– Ах, эта вечная пыль в портьерах! – придерживая пальцем кончик носа, точно боясь снова чихнуть, пожаловался Шале. – Простите, что задержался, но мадам Ветлицкая не отпускала меня, выясняя, у какого ювелира я покупаю драгоценности для жены.

– Да? И у какого же?

Он удивлённо посмотрел на неё.

– Где мой муж? – тут же спросила она.

– Я только что видел его за игрой.

– А где шампанское?

– Ох, я и забыл! Это из-за мадам Ветлицкой! А вы всё ещё хотите шампанского?

Никакой внимательный взгляд не мог проникнуть за улыбчивый занавес маркиза.

– Думаю, мсье, нам пора вернуться к гостям.

– Составьте компанию Роману Степановичу, и он будет приятно удивлён.

– Я не люблю карты.

– Напрасно. Это теперь стало модным занятием. Заметьте, дамы тоже поддаются азарту и составляют серьёзный противовес господам. Я, к сожалению, не слишком силён в картах, но надеюсь, ваш муж научит меня выигрывать.

– Вам это будет стоить целого состояния.

– Неужели? Роман Степанович так дорого берёт за обучение?

Она усмехнулась.

– Вам нравится мой дом? – поинтересовался Шале, выводя её в гостиную.

– У вас превосходный дом.

– Так отчего бы вам не бывать здесь чаще?

Она промолчала. Шале подвёл её к Топорину и быстро затерялся среди гостей. К счастью, Роман Степанович был увлечён игрой, и ей не пришлось гадать, закрались ли в его голову какие-либо подозрения по поводу её отсутствия.

Глава V

Князь Георгий Павлович

Мадемуазель Жаклин высоко ценила оказанное ей доверие, и была горда тем, что воспитывала дочь князя Артемьева, но порой ей хотелось забыть обо всём этом и попросту отшлёпать неуправляемую малолетнюю княжну. Девочка, уверенная в своей безнаказанности, дерзила ей, в лучшем случае молча выслушивала нравоучения... и делала всё по-своему. Француженка нервничала, искала пути к сердцу и разуму непослушного ребёнка и задавала себе вопрос, что держит её в этом доме: хорошая плата или же собственные амбиции. В её годы пора иметь мужа и своих детишек, но, обделённая семейным счастьем, Жаклин воспитывала отпрысков состоятельных русских, получала вовремя зарплату и мечтала на скопленные деньги когда-нибудь открыть частную школу, хотя бы маленькую, но зато свою.

– Мадемуазель Софи, – Жаклин остановилась посреди классной комнаты, – урок этики мы начнём с пройденного материала. Займите, пожалуйста, своё место...

– Моё место сейчас в гостиной, – возразила девочка, с вызовом глядя в серые глаза мадам, обычно небольшие, но имевшие свойство в такие моменты заметно расширяться.

Гувернантка покачала головой. Софи тоже закачала головой, не приближаясь к парте. Она была похожа на отца: лицом и нравом – от природы, манерами – от желания во всём ему подражать. Жаклин в который раз отметила про себя это сходство, но князю, как мужчине, очень даже шли грубые черты лица, а вот для девочки подобная внешность не была приятным подарком. Единственно, что, по мнению Жаклин, было красивым в Софи, так это светлые вьющиеся волосы, переливающиеся солнечной радостью в любую погоду... Девочка упёрла в бока сжатые кулаки и топнула ножкой, отчего загуляла пышная юбка её светло-серого кашемирового платья, отороченная понизу белой атласной лентой и тонким кружевом.

– У вашего отца гостя, и было бы неприлично...

– Прилично! Баронесса всегда мила ко мне, – и Софи стала оглядывать француженку, стараясь пробраться к двери.

– Но мадемуазель! – гувернантка попятилась назад, заслоняя собой дверной проём. – Баронесса всего лишь из вежливости не может сказать вам, что ваше присутствие там нежелательно. Георгий Павлович велел вам делать уроки.

– Я не слышала... Но если папа просил меня об этом, то я соглашусь. Только сперва уточню, – Софи, нырнув за спину гувернантки, без оглядки помчалась к отцу. Остановившись перед гостиной, она отдышалась. – Папочка! – и быстро оказалась возле отца. – Милая баронесса! Позвольте мне показать вам мои последние рисунки. Я так старалась. И мадемуазель Жаклин похвалила меня, – Софи потупила взор, заметив появившуюся следом за ней гувернантку.

– Дитя моё, я уверена, что у вас получились превосходные рисунки, – усмехнулась рыжеволосая гостя. – Но вы, кажется, забыли их принести.

– О, я сейчас за ними схожу! – обрадовалась Софи и бросила в сторону Жаклин победный взгляд.

– Но как же этика?

Отец жестом дал понять разволновавшейся гувернантке, что та пока может отказаться от идеи усадить его дочь за парту. Софи, забыв об уроках и недавнем побеге, засмотрелась на платье гостя. Баронесса всегда одевалась нарядно и даже среди других нарядных дам выглядела как-то особенно. Софи не могла выразить точно свои впечатления, но знала, что ей нравится в этой женщине не только цвет волос и отсутствие робости перед отцом, как знала

и то, что баронесса была единственной гостьей, при которой он мог появиться в домашнем халате.

– Прелестное дитя, – улыбнулась Кантелли, когда девочка вышла.

– Дитя, которое быстро сделало вас своей сообщницей.

Баронесса задумчиво намотала на палец переливающийся медью локон. На её бледном лице брови застыли, как тонкие крылья парящей птицы, а губы, покрашенные яркой помадой, слегка приоткрылись, готовые выпустить вздох или слово. Артемьев протянул ей бокал шампанского.

– Не нравится мне сегодня ваше настроение, Ирен.

– Оно и самой мне не нравится. После бала у Шале я что-то плохо стала спать.

– Неужели маркиз стал причиной вашей бессонницы?

– О нет! Разве милый маркиз может вызвать серьёзные разногласия в моей душе? –

баронесса отпила из бокала и позволила себе вздохнуть.

– Тогда кто?

– Пожалуй, никто. Просто я узнала, что граф Радневский собирается жениться на сестре Элен... той самой Элен, которую ваш опекун увёл у графа. Впрочем, дело не в том, на ком женится Фёдор Александрович, а в том, дорогой Жорж, что он всё-таки женится. Это грустно.

– Кому грустно? – князь не разделял настроения гостьи.

– Мне. Мысли о моём семейном положении сами собой пришли в голову. Если я всё же решусь снова выйти замуж, то выбирать будет не из кого. Или старики, или бедняки, или непроходимые тупицы... а ещё убеждённые холостяки. Мы ведь с вами, мой друг, два вдовца, свернувшие в русло холостяцкой жизни. Что мы можем изменить?

Артемьев отставил бокал.

– Ничего, Ирен. Ничего мы не можем изменить, ибо воля наша не вольна выбирать, а мозги отчаялись найти подходящий повод для размышления. Лучше оставить всё, как есть, и сладостно предаваться хандре, которая нынче становится всё более популярной.

– Ах, Жорж! Мне не до шуток.

– Я не шучу. Вы не спрашивали себя, почему я люблю появляться с вами в обществе?

– Ну, уж не потому, что готовы объявить о нашей помолвке. Наши с вами отношения носят характер взаимовыгодной сделки: единственное обязательство с каждой стороны – это никаких обязательств.

– Я ценю ваш острый ум и хорошую память, – он посмотрел в её золотистые глаза. – Ценю ваше чувство юмора и множество других достоинств.

– И?

– Но жениться не собираюсь.

– О Боже! – она подняла к потолку быстрый взгляд, и тут же, переведя его на князя, насмешливо заговорила: – Вы решили, что я плачусь, чтобы разжалобить вас и женить на себе? Неужели за всё это время вы так и не научились понимать меня? А я вас считала самым близким другом. О Жоржи, как же вы огорчили меня.

– Ну, хоть не разочаровал, и на том спасибо, – князь криво усмехнулся.

Ирен показалось, что он готов её выставить за дверь. Нет, конечно, он не укажет пальцем ей в сторону выхода, не подтолкнёт к двери и не прогонит прочь. Но вот-вот Георгий Павлович вспомнит о неотложных государственных делах, о долге перед царём и отечеством и принесёт извинения за то, что вынужден покинуть компанию самой лучшей из женщин. Он действительно был загружен важными и далеко не всегда приятными ему делами, но как часто он прятался от нежеланного общения за эти дела, могла догадаться, пожалуй, только она... самая терпеливая из женщин.

– Я вот подумала как-то на днях, – она мягко махнула ресницами. – Всё-таки мне снова придётся решиться на замужество, а у графа есть родственник ещё не совсем преклонных лет – совершенно покинутый женским вниманием, вдовый и состоятельный. Может, он тоже захотел бы жениться?

– Этот вопрос вам следовало бы задать не мне.

– Я устала быть одна. Вас жениться заставит разве что государь, так лучше уж пойти за богатого старичка, чем за бедного молодца.

– Неужели вы, Ирен, так легко готовы расстаться со свободой? Позвольте узнать, ради чего? Теперь, если я захочу появиться с вами в приличном обществе, мне необходимо будет спрашивать позволения вашего мужа, или тащить его всюду за нами.

– Ну, может, я ещё и не так сразу выйду замуж, но всё же пора приступить к серьёзным поискам. Хорошие мужья – заслуга умных жён.

– О, это настораживает.

– Вы так много знаете о нас, женщинах, и вместе с тем не знаете ничего, – она отвела взгляд. – Когда-нибудь вы всё-таки поймёте, о чём я сейчас говорю.

– Главное, чтобы вы сами понимали, о чём говорите.

Молчание подкрепило его слова особым смыслом. Ирен оценила выдержку князя, зная о том, насколько он не любит подобные разговоры, но ждать, пока он прозреет, можно было всю жизнь... которая с каждым годом всё стремительней утекала.

– И ещё кое о чём я размышляла как-то на досуге, – Ирен загадочно улыбнулась. – Какая женщина способна зацепить ваши чувства? Строптивная красотка? Нет. И уж точно не та, которая готова рухнуть в ваших объятиях в первую встречу... Увы, я не нашла ни одного подходящего варианта. Вы не боитесь, что мимо проходит то, за чем другие гоняются?

– Нет, не боюсь.

– Любовь даётся нам свыше, дорогой Жорж.

– Люди часто путают любовь с желанием добиться своего, а когда добиваются, теряют всякий интерес к недавнему предмету обожания, – он произнёс это так, словно говорил о вещах само собой разумеющихся и весьма заурядных.

– Если бы речь шла о таком мужчине, как наш милый маркиз, – не отступала Ирен, – то никто бы не сомневался, что его любовь обрела бы очертания Луизы де Шале. Такой тип мужчин способен любить только ярких, самых красивых, холодных, вечно чужих женщин – и это действительно слабость. Но вы будете искать в женщине прежде всего друга. Я угадала?

– Возможно.

– Жорж, мой хороший Жорж! Вы так насторожились, будто почувствовали, что вас подводят к капкану, – она усмехнулась. – Я от всей души желаю вам влюбиться. Уверена, ваш выбор меня не разочарует.

– Вы имеете в виду себя?

Тон, каким он это спросил, мог бы обидеть, но Ирен не была склонна обижаться, тем более на Георгия.

– Благо дело, я сама всегда выбираю, – сказала она, не оставаясь в долгу.

– Надеюсь, было хотя бы одно исключение.

– Хм, Жорж, вы так и не постигли наши женские хитрости.

– Возможно лишь потому, что их нельзя постичь.

В комнату вошла Софи. В её руках была большая толстая папка, а в глазах – огромная радость. Ирен с грустью подумала о том, что хоть один человек в этом доме по-настоящему счастлив.

– Здесь все мои рисунки, – сияя, сообщила девочка гостье. – Я подумала, что лучше показать вам не только новые. Вы хотите взглянуть на них, мадам? – и обратилась к отцу: – Папочка, я очень старалась.

Артемьев усадил дочь между собой и гостьей; он не мог не признаться себе, что приход Софи был как нельзя кстати... Ирен без признаков досады или нетерпения открыла папку с рисунками. Она была единственной женщиной, остававшейся на протяжении нескольких лет приятной компаньонкой, присутствие которой его не утомляло. Умная, прямолинейная, она почти всегда была в хорошем настроении, относилась к большинству вопросов философски, и старалась избегать сырых моментов. Сегодняшнее состояние Ирен было исключением – она то и дело подавляла вздохи и прятала взгляд, в котором проскальзывала непослушная грусть, в её голове кружили странные мысли, и то и дело вырывались наружу, как птицы из клетки с поломанной дверцей. О причине её настроения Артемьев, конечно, догадывался, но разговоры подобного рода были ему не по душе. Вовремя появившаяся Софи его просто выручила.

– Смотрите, мадам, это я нарисовала наш дом, – поясняла девочка одну из своих работ. – Тут немного кривовата стена, но папа сказал, что художники в своих картинах по-разному рисуют то, что видят.

– Ах, моя прелесть, правильно папа сказал. Рисуйте всё, что вы видите, всё, что ощущаете, – и баронесса достала другой рисунок из папки. – А это кто?

– Разве вы не узнали, мадам? Это же папа! – Софи ещё раз взглянула на портрет отца, чтобы оценить достоверность. – Видите, его новый мундир, эполеты с вензелями.

– Дитя моё, в вашем возрасте я не знала, что такое эполеты с вензелями. Сразу видно, что вы дочь своего отца, – баронесса была абсолютно серьёзна. – Князь, вы должны гордиться такой дочерью.

Артемьев приложился губами к виску счастливой девочки, Ирен уже смотрела другие рисунки. Она могла бы стать неплохой мачехой, может быть, даже хорошей...

– А это тоже папа?

– Нет, это же государь наш император, – девочка держала лист вертикально в вытянутой руке. – Царь выше моего папы, и у его величества другой мундир. Лента, видите, какая? И звезда. Это орден... я сама видела. А вы, мадам, видели?

– Какая вы внимательная, Софи. Всё подмечаете. Это очень хорошо.

Ирен знала тропки к разным сердцам, она могла легко общаться с его детьми, лакеями, кучером. Она была хороша собой, образованна и богата – отличная партия для любого свободного мужчины. Наблюдая за ней, Артемьев впервые задался вопросом, почему он до сих пор не влюбился в неё? Наверное, любовь действительно даётся свыше, и трудно найти логику там, где её не бывает. Если бы ему нужно было жениться, он женился бы, пожалуй, на Ирен, но женитьба пока не входила в планы Георгия. На его карьере новый брак вряд ли повлиял бы лучше предыдущего, супружеский долг бы обязывал, а непредвиденность отягощала. Он не мог представить себе, что будет видеть какую-либо женщину, пусть даже Ирен, в своём доме каждый день, сомневался, что им всегда будет о чём говорить. Её хорошее настроение со временем потускнеет, она начнёт жаловаться или задавать глупые вопросы, как другие женщины, и однажды они попросту перестанут замечать друг друга, живя под одной крышей. Артемьев усмехнулся, подумав, что люди влюблённые вряд ли подходят к вопросу о создании семьи с таким пессимизмом, но он не любил, и потому был склонен искать недостатки в том, что было недоступно его пониманию.

Показав почти половину рисунков, Софи вдруг стала быстро перебирать остальные в поисках какого-то особенного.

– Сейчас, мадам... Я едва не забыла...

– О, я уже заинтригована.

– Ах, вот же он! – девочка вынула лист с карандашным рисунком и протянула его баронессе.

– Но это рисовали не вы...

– Разумеется, не я! Это мне подарили.

– И не ваш отец, – Кантелли улыбалась, рассматривая шарж, в котором лёгкими уверенными штрихами была набросана сцена из придворной жизни. – Однажды мне приходилось видеть рисунки в подобном стиле, и возможно, выполненные той же рукой.

– Какой рукой?

– Дитя моё, берегите это, чтобы однажды ваши внуки смогли увидеть рисунок, сделанный самим Николаем I. Я не ошиблась?

– О мадам, вы не ошиблись! – Софи сияла от обуревающей её гордости. – Это рисовал сам царь! Правда, хорошо? Только люди смешные.

– Может, лишь те люди, каких государь именно такими и видит?

Не поняв последних слов баронессы, девочка промолчала. Просмотр рисунков приостановился, и вскоре Софи захотела уйти.

– Мне пора на урок этики, мадам. Была очень рада видеть вас в нашем доме.

Отпустив дочь, Артемьев заметил:

– Повод уйти от уроков она нашла, теперь улучила момент сбежать и от нас.

– Вы думаете, ваша дочь не пойдёт на урок?

– Уверен.

– Она ещё дитя. Ей куда интересней куклы, чем скучные дисциплины.

– Мадемуазель Жаклин будет думать, что Софи с нами, а Софи в это время, в лучшем случае, будет играть в детской.

– Зато Пьер у вас очень спокойный мальчик.

– Я бы сказал, весьма безжизненный для его возраста.

– О, вы слишком строги к своим детям, – Кантелли отложила рисунки в сторону. – Особенно к сыну. Он с первых дней рос без матери...

– Думаете, Софи помнит мать? Мои дети – две противоположности. И то, что я наблюдаю в Софи, меня обнадеживает, а Пьер... Его нельзя воспитывать как девочку.

– И всё же... и сына, и дочь вы видите только в Софи.

Ирен это знала наверняка, она и сама выделяла Софи. Может быть потому, что та была очень похожа на отца, которого они обе любили...

Артемьев поднялся и прошёлся по комнате. Ирен смотрела, как он двигался, как взглянул на часы, потом опустился прямо на ковёр посреди гостиной. Полулёжа, опершись на локоть, он стал рассматривать её, пока она не спросила:

– С такого ракурса я выгляжу привлекательней?

– Вы, мадам, привлекательны во всех ракурсах, – в его глазах появился знакомый ей блеск.

Кантелли подалась слегка вперёд.

– Признаться, Жорж, время от времени я отказываюсь вас понимать. Я ведь вижу, что в моём поведении на людях вам доставляет удовольствие наблюдать не скромность или манерность, а напротив, утрированную непосредственность, граничащую с вульгарностью.

– Разве это вас огорчает? Я думал, вам нравится позволять себе рядом со мной то, что не могут позволить себе другие.

Ирен спустилась к нему на ковёр.

– Я уже привыкла к пересудам за спиной. Состояние, оставленное покойным бароном, позволяет мне не считаться с мнением большинства. Буду я с вами или нет, всегда найдётся кто-нибудь, кому захочется меня оговорить.

Георгий провёл рукой по её щеке, Ирен наклонилась к нему за поцелуем, который впрямую была ожидать. Её всю пронизало дрожью от его прикосновения. Она не оглядывалась на дверь, зная, что их никто не потревожит. В какой бы из комнат этого дома их ни застало желание, ни разу никто не появился там в пикантный момент – лакеи князя обладали то ли потрясающей интуицией, то ли поразительным слухом.

– И всё-таки, – Ирен вернулась к волнующей теме, – что вы находите в компании спутницы, вызывающей осуждение?

– Утешение, мадам.

Он произнёс это шутливо, но Кантелли, при её опыте, на сей счёт было не провести. Она догадывалась, что князь нашёл способ ронять перчатки в лица, которые когда-то отвернулись от его матери. Для этого ему пришлось подняться очень высоко... Ирен знала больше, чем другие, и знала не потому, что Георгий посвящал её в своё прошлое (о матери он почти никогда не говорил) – просто, проводя время рядом с ним, она научилась видеть то, что другие не замечали. Люди, некогда выразившие всесветское презрение к княгине Натали, теперь кланялись её сыну, лестили ему, заискивали перед ним, а если кто шипел или рычал, то очень осторожно, и, как правило, далеко за его спиной.

– Государь любит вас, Жоржи, – в голосе Ирен зазвучала ласка. – Вы стали другом Николая Павловича ещё до того, как он взошёл на престол.

– У царя не может быть друзей.

– Тогда назовём это симпатией, привязанностью, доверием. Разве этого мало?

– Только один из нас принадлежит другому, – сухо заметил он.

– Вас отягощает это?

– Я пока ещё волен выбирать свою судьбу.

– Мой милый Жорж, вы в самом деле верите в это? – она сдержалась, чтобы не засмеяться.

– Я рядом с царём не потому, что это мне удобно, а потому, что в самом деле хочу ему служить, – Артемьев холодно посмотрел в глаза Ирен.

– О Жорж... – Кантелли погладила его по плечу, поняв, что задела за живое, и задела не там, где хотела.

Он прижался губами к её пальцам, но только на миг.

– Надеюсь, мадам, вы больше не станете хандрить из-за такой безделицы, как нынче.

– Безделицы? О чём вы, дорогой?

– Значит, вы уже не расстраиваетесь по поводу предстоящей женитьбы графа?

– Ах, вот вы о чём! Удивляюсь, как вы любите слово «безделица» при всей вашей не проходящей деловитости, – она попыталась нахмуриться.

– Кроме слов, нет верных средств называть вещи своими именами.

Ирен снова взялась за локон.

– Баронесса Фредерикс по секрету сказала, что ваше новое увлечение на сей раз никому не удалось разгадать. Вы и со мной не поделитесь, Жоржи?

Он покачал головой, не сводя с неё слегка насмешливого взгляда.

– Я так и думала: сплетни.

– Не более.

– А как вам новое увлечение нашего маркиза? – она ловко щёлкнула пальцами, как это делал маркиз.

– Которое?

– Смеётесь? Все заметили, а вы – нет?

– Не верьте никому, дорогая Ирен. Ольгой Топориной может увлечься географ, но не маркиз де Шале – она слишком незаметна.

– И всё же вы заметили это.

– Только потому, что она стала объектом его внимания.

– И всё равно я его не понимаю. Бедная Луиза!

Губы князя дрогнули в кривой улыбке.

– Я, конечно, не испытываю к Луизе дружеских чувств, – почти весело сказала Ирен, – но, признаться, не ожидала, что маркиз готов так насолить ей.

– Бросьте, мадам, в сплетнях истины не найти.

– А вы знаете истину? Жорж, дорогой, что же вы мучите меня...

Артемьев поменял положение тела и стал разминать затёкшую руку.

– Жоржи... А впрочем, какое нам до них дело. Я теперь так редко вижу вас...

...Кантелли долго не задержалась. Она знала, что Георгию предстоит дежурство во дворце, и что он не любит, когда его вынуждают лишний раз смотреть на часы. Знала, что снова приедет к нему, и всё будет так же. Он устанавливал правила, которые по привычке никто не оспаривал.

Софи влетела к отцу в кабинет, когда он собирал в папку какие-то бумаги. Пьер, бежавший за ней, резко затормозил в дверях и поспешил спрятаться, пока отец не увидел.

– Папа! Папочка! Он хочет ударить меня! – завизжала Софи, прячась за письменный стол. – Спаси меня, папочка!

– Мне некогда.

– Пьер бежал за мной до самого вашего кабинета, – пожаловалась она, выходя из убежища.

– Может, есть тому причина?

Софи увидела в дверях голову брата, и, снова завизжав, повисла на руке отца. Папка с документами упала на пол, несколько бумаг выскользнуло из неё. Артемьев, не проронив ни слова, отстранил от себя дочь, но не успел наклониться за папкой, как Софи уже подняла и её, и выпавшие бумаги.

– Прости меня, папочка. Ты же не сердись на меня? Не сердись? – девочка заглядывала в его глаза, пока он не улыбнулся.

– Ну, иди ко мне, моё сокровище, – Артемьев присел на стул.

Софи, прильнув к нему, провела пальчиком по серебряному шитью на мундире.

– И как скоро вы вернётесь? – она говорила отцу «вы» только тогда, когда этого требовали обстоятельства, или когда хотела придать словам особую весомость.

– Завтра; и надеюсь, мадемуазель Жаклин не будет жаловаться на вас, – князь поцеловал дочь, уже забравшуюся к нему на колени.

– Пусть не жалуется. Агриппина сказала, что мамзель долго не продержится.

– Тогда найму вам мадам.

– И что?

– Мадам может оказаться старой, злой, скучной. Хотите?

Софи принялась за отцовский аксельбант, машинально пытаясь заплести серебряные шнуры в косичку. Ей совсем не хотелось менять мамзель на мадам.

– Папочка... это не я рассыпала твои шахматы. Петя из них башню строил. Я только ладью снизу поправила.

– Обычно шахматы располагают к другой игре. Я же показывал вам, как надо расставлять фигуры на шахматном поле, как они могут передвигаться; объяснял, к чему должен стремиться каждый из игроков...

– Вот и я Пете говорила. Когда шахматы башенкой, как же можно сделать мат?

Артемьев окликнул Пьера, и сын появился в кабинете. Хорошенький, нежный, он и в самом деле походил больше на девочку. Побаиваясь отца, мальчик оставался на расстоянии, и переминался с ноги на ногу: он был уверен в том, что ему сейчас попадёт.

Угадав страхи брата, Софи спросила:

– Папа, а ты накажешь его?

– За что?

– Он гнался за мной...

– Почему?

Софи промолчала и не стала сопротивляться, когда отец снял её с колен. Тайком она успела показать брату язык. Пьер ответил ей тем же, но был уличён в сим постыдном порыве, и, заметив укоризненный взгляд отца, от обиды разревелся.

– Ну-ка, марш в детскую. И вы, Софи, тоже.

Она поняла, что общение с отцом на сегодня окончено, а завтра он вернётся поздно, когда они с Пьером уже будут спать. Потом папу снова вызовут, или кто-нибудь придёт к нему по важному делу... В лучшем случае, появится баронесса, которая позволит Софи хоть немного побыть рядом с ними. Громко всхлипнув, она взяла брата за руку и потянула к двери.

– Идём, горе моё. Я теперь буду плакать всю ночь... и даже кукла из того магазина не утешит меня, – горестно сказала девочка, поглядывая в сторону отца. – Хотя я придумала для неё такое красивое имя: Василиса. Слышишь, Пьер? Василиса!

Отец ничего не сказал.

Глава VI

Не все феи носят платья

От Ильина не было известий, никто из его друзей не знал, куда и зачем его направили. Ольга тоже была в неведении, появление во время бала подследственного географа не давало ей покоя. Зато маркиз вёл себя, как ни в чём ни бывало. Он ни разу не бросил неосторожного намёка, не задал необычного вопроса, и во всём его поведении не проявлялось ничего такого, что отличало бы его отношение к Ольге от предыдущего. Топорин подмечал за маркизом всё до мелочей, и даже то, что только могло случиться, но обходился уколами в адрес своей жены, а не того, кто так много ему проигрывал. Каждый раз Шале премило дулся за очередной проигрыш, но тут же отходил и обещал непременно отыграться. Топорин соглашался с его справедливым стремлением и назначал следующую партию. Ольга и Луиза, не в пример мужьям, не находили выгоды в общении друг с другом, но им ничего не оставалось, как поддерживать картину сложившейся гармонии. А гармонии Ольге так не хватало, особенно дома.

То споры из-за дочери, то неожиданно выплывавшие долги, а то просто разногласия без всякого повода. Ольгу раздражало присутствие бывшей няньки мужа, пропахшей спиртным, и всюду сующей свой нос. Благодаря Марфе, Топорин своевременно знал обо всём происходящем в доме, за исключением тех случаев, когда баба, напившись, отключалась и впадала в забытие. Терпеть такое чудище приходилось из года в год, и никакие жалобы не меняли положения дел. Единственной радостью, солнышком, счастьем, была её маленькая Соня, и, если бы не дочь, то Ольга вряд ли смогла бы объяснить себе причину и смысл своего существования.

Она вошла в детскую поцеловать дочурку перед сном. Соня, спрятав под подушку какие-то листы, распахнула маме объятия, в светлых глазах девочки засияла радость, а нежные ручонки обвили вокруг маминой шеи. Счастливый мир безоговорочного детства вытеснил сомнения и страхи, вынырнувшие до того из подслушанной ссоры между родителями. И всё же Соня снова посмотрела в мамины глаза.

– Ты плакала? – спросила она, хотя любимое лицо не хранило печальных следов.

– Нет. Разве я должна была плакать? – в голосе матери прозвучало удивление.

Соня разгладила край постели.

– Посиди со мной, мамочка. А то сейчас вейнётся Настя и уложит меня спать. Помнишь, как ты всегда садилась со мной и йасказывала мне чудесные сказки? – она ещё не выговаривала «р».

– Я и теперь тебе рассказываю сказки не менее чудесные, – мягко улыбнулась Ольга.

– Да, но только совсем мало, – и белокурая головка девочки уткнулась в мамину грудь.

– Потому что ты взрослеешь. Ведь ты взрослеешь?

Соня кивнула, хотя не была уверена в том, что она взрослеет для того, чтобы перестать слушать сказки.

– Вот и умница. Я рада, что моя дочь быстро учится понимать меня.

«Моя дочь» прозвучало из маминых уст так нежно и гордо, но Соня всё же не отказалась побыть ещё маленькой.

– Ты меня любишь?

– Люблю.

– Очень?

– Очень.

- А папу?
- И папу.
- А папа опять ушёл?
- Когда ты проснёшься, он будет уже дома.
- А куда он уходит?

Мать не ответила и начала рассказывать сказку. Соня закрыла глаза, слушая мамин голос, мягкий, как ленточка в её волосах. Под подушкой лежали изрисованные листы. Завтра папа поведёт её в парк, и там, на углу, снова будет стоять художник в смешной шляпе, ему Соня и подарит свои рисунки, потому что такого грустного художника, наверное, никто не любит... Сон пришёл, не стучась в двери. Ольга склонилась над кроваткой и какое-то время любовалась заснувшей дочерью, потом поцеловала любимые кудряшки, и вышла.

Хотела уйти к себе, но не успела: Настя перехватила её у самой двери.

– Барыня, крупа пшеничная заканчивается, сахара на дне осталось, и...

– Надо бережливей быть, – перебила её Ольга, уставшая от одних и тех же проблем, имевших свойство никуда не деваться.

– Так ведь есть никто меньше не стал, только я, – девушка часто заморгала. – И капусты бы докупить – барин постных щей велел завтра наварить.

Ольга понимала, что средств на еду выделила мало, даже учитывая пост, но по-другому они не выкрутятся.

– Роман Степанович денег больше не даст до конца месяца, разве что на Соню добавит. Ты же знаешь, как он экономит, чтобы купить дом.

Ольга не любила эту квартиру, снимаемую Топориным над магазином, куда целыми днями заглядывали столичные дамы не столько в поисках подходящих аксессуаров, сколько из привычки производить новости первыми. Шум набережной навязчиво залетал в её спальню, пока она не перебралась в комнату рядом с детской, выходящую окнами на другую сторону. Но и здесь не было уединения. Прямо над головой часто звучал рояль, и даже если бы его звуки сливались в прекрасную мелодию, Ольга и тогда не была бы рада такому соседству. Пара, занимавшая третий этаж, мало думала про чужой покой, устраивая то шумные приёмы, то скандалы между собой. Можно было снять квартиру в более тихом месте, за меньшую плату, но Роман Степанович категорически хотел жить в престижном квартале. «Надо соответствовать, Оленька, надо», – говорил он, не уточняя, чему именно. Так что свой дом был мечтой очень даже насущной...

На улице шёл дождь. Взяв с полки потёртый томик Байрона, Ольга некоторое время перелистывала его, выборочно читая те или иные строки. Откуда-то изнутри с нарастающим упорством поднималось волнение, и она отложила книгу. В последнее время её часто охватывало беспокойство, перепады в настроении наступали без видимых причин, подавленность легко сменялась агрессией, агрессия – меланхолией. За месяц трижды была переставлена мебель в её комнате. Несмотря на сопротивление мужа, поменялись шторы на окнах: ей хотелось голубые. Из гардероба изъались ненужные вещи, с книг стряхнулась вся пыль, были перебраны по строчке стихи Пушкина, баллады Жуковского, комедии Шекспира – всё, что прежде вдохновляло... Ольга стала раскачиваться в кресле-качалке. Скорее бы потеплело, скорее бы небо приобрело цвет её новых занавесок! Зачастившие дожди спутали осень с весной.

Сослав невостребованную душой книгу снова на полку, она тихо вышла из комнаты и прислушалась. Если спали и не все, то, по крайней мере, поблизости никого не было. Дверь в комнату мужа была напротив, он не запирает спальню, в отличие от кабинета. Ольга без труда проникла туда, и когда глаза привыкли к темноте, она быстро нашла то, что не смог муж найти во всём доме: её запретную шкатулку. Прижав руки с лёгкой ношей к груди, она бесшумно и быстро проскользнула назад к себе, и заперлась, оставив ключ в замочной сква-

жине. Эта предосторожность не была излишней. Присев возле свечи, она открыла шкатулку и вынула крепко завязанный мешочек и маленькую трубку для курения. «Вот так», – сказала она себе, набивая трубку измельчённой сухой травой из мешочка, и, потянув раз-другой терпкий дым, зажмурилась и откинулась на спинку кресла, но тут же снова раскрыла глаза. Тошнота прокатилась по ней неприятной волной; это с непривычки.

Поднявшись, она распахнула балконные двери. Вечер сменился ночью. Освобождённый от пыли воздух пропитался весенними запахами, тонкая свежесть прошедшего дождя коснулась Ольгиного лица. Она подалась вперёд, внюхиваясь в чистые нотки. В это время на балкон третьего этажа кто-то вышел. Приглушённый шёпот, а затем женский возглас «О, Боже!» вывел её из забытья, она прислушалась. Судя по всему, балконная площадка над ней сразу опустела. Ольга тоже вернулась в комнату и приложилась к трубке, которую не выпустила из рук. Закрывать глаза и отдаваться галлюцинациям она больше не хотела, к ней вернулись мысли о муже... На балконе соседней опять послышались голоса, Ольга повернулась на звуки. Говорили мужчина и женщина. О чём именно они говорили, трудно было понять, но женщина паниковала, а мужчина, очевидно, пытался её успокоить. Что-то подсказывало, что сцена происходила отнюдь не между мужем и женой. Веселье, пусть даже от чужого романа, заставило Ольгу приложить ладонь ко рту, чтобы не рассмеяться и не вспугнуть и без того исполошённых любовников. Она видела соседку не часто. Это была высокая статная дама с волевым лицом, о котором значительно создавал впечатление квадратный подбородок. Дама здоровалась с ней очень сдержанно, никогда не заводила разговор ни по-соседски, ни по-женски, ни тем более по-дружески, не напрашивалась в гости и не звала к себе. И вот эта дама срывающимся от волнения голосом упрямивает своего друга что-либо предпринять, и это что-либо должно было стать поспешным бегством. Ольга безотчётно улыбалась. Какой мужчина мог увлечься её соседкой, да ещё и попасть в столь курьёзную ситуацию?

Размышляя над этим, она бесцельно переставляла фарфоровые статуэтки на столике, когда вдруг услышала шорохи, быстро опустившиеся на балкон. Ольга насторожилась. Всё стихло, но ощущение чужого присутствия не отступило. Вместо того, чтобы поднять тревогу, она поспешно задула свечу, и медленно, затаив дыхание, приблизилась к балкону, где кто-то прятался. Любопытство и тяга к приключению подавили в ней остатки инстинкта самосохранения. Нетрудно было догадаться, что этот кто-то спустился с верхнего этажа ради спасения и успокоения своей любовницы. Наверху зарождался скандал.

«Так вот почему они всё время ругаются! – осенило Ольгу. – И скольким же мужчинам довелось таким образом воспользоваться моим балконом?»

– Не знаю, мадам, но Бога ради, не поднимайте шум, – послышался быстрый, едва уловимый шёпот.

Она оторопела.

– Вы читаете мои мысли?

– Я отвечаю на ваши слова.

Помедлив, Ольга всё же выглянула. Мужчина, которого она не могла, к сожалению, рассмотреть, приложил палец к её губам. И вовремя, потому что как раз в этот момент на балконную площадку третьего этажа вышел муж провинившейся жены.

– Я просто опоздал!

– Вы слепо подозрительны, – оправдывалась женщина. – Это совсем не то, что вы думаете...

– Где он?!

Беглец прижался к стене, угадывая, что рогоносец готов сломать себе шею, лишь бы заглянуть на нижний балкон. Ольга, тронув незнакомца за руку, отошла назад, тем самым предлагая ему убежище. Он сразу же воспользовался её приглашением и, оказавшись в комнате, плотно закрыл за собой двери и сдвинул шторы. В помещении стало совсем темно.

- Из огня да в полымя. А ваш муж где? – его голос был тихим и резким.
- Моего мужа сейчас нет дома. Вы знакомы?
- Как я могу выйти отсюда?
- Ещё не знаю...
- Зачем же вы впустили меня?

Ольга слышала голос прямо над своим лицом и гадала, кому он мог принадлежать, а точнее, кого заманила в свои объятия её соседка.

– Мадам, – снова обратился к ней гость, – прошу вас, помогите мне выбраться из вашего дома, и, обещаю, я в долгу не останусь. Его французский был безукоризненным.

– Боюсь, вам придётся какое-то время подождать. Я не могу допустить, чтобы кто-нибудь теперь увидел вас. Или вы согласны, спасая одну женщину, скомпрометировать другую?

Он промолчал.

– Присядьте куда-нибудь.

Мужчина потянул носом воздух.

– Что это?

– Что? – не поняла она.

– Это ведь не благовония. Что вы курите?

– Любопытство – это порок.

– Не нам с вами упрекать кого бы то ни было в таких безделицах.

Ольга, оскорблённая его тоном, хотела ответить, но, уронив трубку, потеряла и подходящую мысль. Она опустила её на ковёр, и провела по нему руками. Трубка, видимо, откатилась в сторону.

– Что вы делаете? – спросил мужчина.

– Ничего, что могло бы коснуться вас. Присядьте куда-нибудь и помолчите, нас могут услышать.

Но гость приблизился к месту её поисков и тоже опустился на корточки. Почти сразу же их руки встретились.

– Мне просто интересно, мадам, что можно искать с таким трепетом, – пояснил он, слегка прижимая её ладони к ковру.

– То, что принадлежит мне.

– Так значит, мужество, с каким вы спасаете меня, это ничто иное, как следствие вашего тайного пристрастия?

Она выдернула свои руки из-под его ладоней.

– Вы ищете это?

Ольга машинально махнула перед собой рукой, сделав хватательное движение, но впустую – мужчина увернулся от неё.

– Хотелось бы знать, чем набита ваша трубка.

– Я же не спрашиваю, чем были наполнены бокалы этажом выше.

– И правильно делаете.

– Тогда верните мне то, что нашли.

Взяв её руку, он вложил трубку прямо в ладонь.

– Я могу уйти через балкон.

– Великолепная мысль! Но было бы справедливо, если бы вас застали всё-таки убегающим от той женщины, а не от меня, – с чувством сказала она.

– У вас, мадам, обострено чувство справедливости, – с насмешкой ответил он, но к балкону всё же не пошёл.

Ольге надоела темнота, да и желание увидеть лицо необычного гостя становилось всё менее преодолемым. Она хотела зажечь свечу, но он её остановил, тогда появилась рискованная идея вывести его к лестнице.

Они тихо вышли из спальни. Коридор не был освещён, но из столовой через дверную щель пробивалась тонкая струя света: Марфа ещё не спала. Воспользовавшись отсутствием хозяина, баба успешно поглощала горячительные напитки и никак не ожидала быть потревоженной в такой интимный момент... Приоткрыв дверь и осторожно заглянув в столовую, Ольга почувствовала прилив стыда и злобы.

– Да-а, весело вам живётся. У каждого свои забавы, – тихо усмехнулся мужчина за её спиной.

Обернувшись, она встретилась с ним глазами – тёмные и блестящие, они смотрели на неё, не обвиняя, не жалея, не обвораживая. И тут же он отступил в тень.

– Вы можете вывести меня? – в его голосе послышалось нетерпение.

– Чтобы избежать неприятностей, которых у меня и без вас хватает, я сделаю всё что угодно.

– Кто там?! – неожиданно крикнула Марфа. – Ежели вы, черти, не покажетесь, я позову хозяев!

Мужчина, не церемонясь, подтолкнул Ольгу к дверному проёму, и она оказалась перед пьяной бабой, поднявшейся с места при её появлении.

– Я сторожу им-мущество, – пряча недопитую бутылку за спину, хрипло проговорила та. – Мне почудилось, будто в дом пробрались воры. Вы, небось, тоже слышали подозрительный шум?

– Шум? Ты что несёшь, дура? – зашипела на неё Ольга.

– Так ведь...

– Ступай спать, а то я Роману Степановичу расскажу, как ты стерегла его имущество.

– А что же вам, барыня, не спится? – Ольга побледнела от такой неприкрытой наглости. – Никак не могу идти спать, – вздохнула Марфа. – Барин наказывал мне беспокоиться об вашем покое и днём, и ночью.

Поняв, что пьяную бабу легче убить, чем отправить спать, Ольга вышла в коридор. Мужчина молчал. Посмотрев на его силуэт, почти сливавшийся со стеной, она подумала, что многим рискует, спеша выпроводить опасного гостя из дома при наличии пока ещё бодрствующей Марфы. «Вернитесь в мою спальню», – тихо приказала она ему, а сама снова зашла в столовую. Марфа подняла на неё мутный взгляд.

– Что же вам не спится никак? Всё бродите тут и бродите.

Ольга окинула столовую беглым взглядом.

– Зачем столько свечей жжёшь?!

– Не извольте беспокоиться... За ваше здоровьице!

Ольга погасила все свечи, кроме одной.

– Что это вы мне огарок оставили! – Марфа от возмущения поперхнулась и хрипло закашлялась, брызжа слюной.

– Это твоё время до сна, а если другую свечу зажжёшь, будешь оправдываться уже перед барином.

И она ушла к себе, уверенная в том, что Марфа не решится на дальнейшее расточительство: баба была хитрая, и хозяину вреда открытого не делала.

– Вы, как я понимаю, решили продолжить наше знакомство, – услышала Ольга из глубины спальни. – Оставляете меня на всю ночь?

– В данной ситуации я не была бы так самонадеянна на вашем месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.